

A portrait of Luke Harding, a man with short brown hair and glasses, wearing a dark suit and a light blue shirt. He is looking slightly to the right with a thoughtful expression, his hand partially visible near his chin. The background is a warm-toned wall with a white decorative molding and a framed picture.

Люк Хардинг

ДОСЬЕ

СНОВУДЕНА

**ИСТОРИЯ САМОГО РАЗЫСКИВАЕМОГО
ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ**

**Luke Harding
The Snowden Files**

Люк Хардинг
Досье Сноудена. История
самого разыскиваемого
человека в мире

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9756235

*Люк Хардинг. Досье Сноудена. История самого разыскиваемого
человека в мире: Центрполиграф; Москва; 2014
ISBN 978-5-227-05619-1*

Аннотация

Журналист, корреспондент газеты Guardian Люк Хардинг в своей документальной книге представил на суд читателей последовательность драматических событий истории одного из самых выдающихся компьютерных хакеров и беспрецедентного разоблачителя шпионских интернетовских сетей мирового уровня Эдварда Сноудена, не побоявшегося бросить вызов американскому Агентству национальной безопасности и его союзникам. Книга Хардинга со всей беспристрастной, выстроенной исключительно на фактах экспертизой деятельности крупнейшего в мире агентства, его тактикой наблюдений в то же время представляет своего героя как человека, который отчаянно любит свою страну, чем и оправдываются все его действия.

Содержание

Предисловие	5
Пролог	8
Глава 1	20
Глава 2	53
Глава 3	81
Глава 4	112
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Люк Хардинг
Досье Сноудена. История
самого разыскиваемого
человека в мире

Luke Harding

THE SNOWDEN FILES

THE INSIDE STORY OF THE WORLD'S MOST
WANTED MAN

Copyright © The *Guardian* 2014

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© AP/East News, фотография, 2014

Предисловие

Эдвард Сноуден – один из самых выдающихся разоблачителей в мировой истории. Никогда раньше никто в мире не выдавал публике столько сверхсекретной информации о самых могущественных разведывательных организациях в мире. Именно это и сделал Сноуден.

Его способности поистине беспрецедентны. До появления нынешнего поколения компьютерных фанатиков никому и в голову не могло прийти, что можно улизнуть с электронным эквивалентом целых библиотек, состоящих из множества секретных картотек и сейфов, которые содержали тысячи важнейших документов и миллионы слов.

Его мотивы просто поразительны. Сноуден намеревался выставить напоказ то, чем на самом деле много лет занимались американское Агентство национальной безопасности и его союзники. Насколько известно, в данный момент он не заинтересован в материальном вознаграждении – хотя мог конечно же продать свои сведения иностранным разведывательным службам за многие, многие миллионы долларов или евро. При этом он не проявил ни левых, ни промарксистских симпатий, из-за которых его могли бы заклеить как приверженца антиамериканских принципов. Напротив, Сноуден – ярый поклонник американской конституции и, подоб-

но другим хактевистам,¹ является последователем либертарианского политического деятеля Рона Пола, чьи взгляды разделяют многие республиканцы.

То, о чем поведал миру Эдвард Сноуден, нельзя переоценить. Из его разоблачений ясно, что методы спецслужб, занимающихся электронной слежкой, давно вышли за рамки разумного контроля. И в значительной степени это произошло из-за политической паники в США, последовавшей вслед за террористическими атаками 11 сентября 2001 года.

Спущенные с юридического «поводка» и стремящиеся (как они сами утверждают) уберечь Америку от будущих угроз, Агентство национальной безопасности и его младший британский партнер Центр правительственной связи (Government Communications Headquarters, GCHQ), тайно связанные друг с другом посредством телекоммуникационных и интернет-гигантов, использовали все свои технические возможности, чтобы целиком «овладеть Интернетом». Они сами так выразились. Контроль за ними всегда был очень слабым и явно недостаточным.

В результате весь мир погряз в шпионской сети. Технологии, о которых Запад трубил как о силах на службе свободы личности и демократии – Google, Skype, мобильные телефоны, GPS, YouTube, Tor, электронная коммерция, интер-

¹ Хактевист – компьютерный хакер, действующий с целью протеста против какого-либо общественного явления или в рядах какого-либо социального движения.

нет-банкинг и все прочее, – превращаются в могучие и эффективные механизмы слежки, которые привели бы в ужас Джорджа Оруэлла, автора романа «1984».

Guardian первой из независимых СМИ опубликовала откровения Эдварда Сноудена. Мы посчитали своим долгом сломать табу тайны, уделив должное внимание, как хотел и сам Сноуден, безопасности людей и защите секретных разведывательных документов.

Я горжусь тем, что мы так поступили, – жестокие дебаты и призывы к немедленным реформам теперь звучат во всем мире: в самих США, в Германии, Франции, Бразилии, Индонезии, Канаде, Австралии и даже в «почтительной» Великобритании. Guardian в конечном счете, из-за преследований британских правовых институтов, была вынуждена осуществлять последующие публикации через свое отделение в Нью-Йорке. Думаю, читатели этой книги смогут понять назревшую необходимость введения британского эквивалента первой поправки американской конституции, которая, помимо прочего, защищает свободу печати. Защитить нас всех может только подлинная свобода.

*Алан Расбриджер,
главный редактор Guardian
Лондон, февраль 2014 года*

Пролог

Встреча

Отель «Мира», Натан- Роуд, Гонконг 3 июня 2013 года, понедельник

*Не хочу жить в мире, где все, что я говорю,
все, что делаю, каждый, с кем я общаюсь,
каждое выражение творчества, любви или дружбы
записывается...*

Эдвард Сноуден

Это началось с электронного послания.

«Я – высокопоставленный сотрудник разведывательного сообщества...»

Никаких имен, указаний на занимаемую должность, вообще никаких подробностей. Переписку с этим таинственным источником начал Гленн Гринвальд, обозреватель английской *Guardian*, проживавший и работавший в Бразилии. Кто же это был такой? О себе источник ничего не рассказывал. Он был неосязаемым, своего рода онлайн-призраком. Возможно, даже фикцией.

В конце концов, как это вообще могло произойти? Ведь прежде никаких крупных утечек из Агентства национальной

безопасности не было. Все знали о том, что эта американская организация, занимающаяся сбором разведывательной информации по всему миру и территориально расположенная в Форт-Миде, неподалеку от Вашингтона, просто неприступна. Деятельность АНБ была покрыта плотной завесой тайны. Наружу не просачивалось ни слова. «АНБ? Нет такого агентства», – как говорили некоторые умники из вашингтонских политических кругов.

И все же у этого странного человека, как оказалось, был доступ к некоторым весьма примечательным сверхсекретным документам. Источник отправил Гринвальду образец строго засекреченных файлов АНБ. Он как бы помахал ими перед его носом! Как «призрак» смог выкрасть их, было непонятно. Если принять подлинность этих документов, то они, казалось, содержали в себе сведения глобальной важности. Получается, что Белый дом шпионил не только за своими противниками (преступниками, Аль-Каидой, прочими террористами, русскими, китайцами), а также верными союзниками (Германией, Францией), но и держал (и держит!) на крючке миллионы обычных американских граждан!

Вместе с США в этой массовой слежке участвовала и Великобритания. Британская копия АНБ, Центр правительственной связи (GCHQ), базируется в английской сельской глубинке. У Великобритании и США давно, еще со времен Второй мировой войны, наладились близкие отношения в области разведки. Как бы жестоко это ни звучало, но Велико-

британия всегда была надежным прислужником США. Согласно переданным документам, АНБ платило англичанам миллионы долларов за их шпионскую деятельность.

И теперь Гринвальду предстояло встретиться с этой Глубокой Глоткой.² Обещая новые разоблачения, источник предлагал ему покинуть свой дом в Рио-де-Жанейро и вылететь в Гонконг, находящийся на территории коммунистического Китая и за тысячи миль от Бразилии. Гринвальду такое место встречи показалось слишком уж экзотическим.

Встреча была назначена в отеле «Мира» в Коулуне, в прекрасном, современном здании в самом сердце туристического района. Гринвальда сопровождала Лаура Пойтрас, также американская гражданка, кинодокументалист по профессии и в известной степени источник постоянного раздражения для американских военных. Она-то, собственно, и стала той «свахой», которая уговорила Гринвальда обратить внимание на неизвестного отправителя.

Эти двое журналистов получили от анонима весьма подробные инструкции. Им предстояло встретиться в менее оживленной, но не самой уединенной части гостиницы, рядом с большим пластмассовым аллигатором. Они должны

² Глубокая Глотка – псевдоним источника информации, использовавшегося журналистами Р. Вудвордом и К. Бернштейном в расследовании Уотергейтского скандала. Личность источника информации была раскрыта только в мае 2005 года, когда бывший заместитель директора ФБР У. М. Фелт сделал заявление, что он и является Глубокой Глоткой, а Вудворд подтвердил это. *(Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.)*

были обмениваться заранее согласованными фразами. Отправитель таинственных писем должен был держать в руке кубик Рубика. Ах да, и звали его Эдвард Сноуден...

Казалось, их таинственный собеседник – опытный шпион. Либо шпион и заодно талантливый актер. Все, что Гринвальд до сих пор знал о нем, явно указывало на то, что перед собой он должен увидеть седовласого ветерана разведывательного сообщества. «Я думал, это будет какой-нибудь пожилой сотрудник», – позже сказал Гринвальд. Лет шестидесяти с лишним, в спортивной куртке со сверкающими золотыми кнопками, редющей сединой, в практичных черных ботинках, в очках, в клубном галстуке... Гринвальд явственно представлял себе этого человека. Возможно, это должен был оказаться сам резидент ЦРУ в Гонконге, кто знает?

К такому предположению, как оказалось ошибочному, его подталкивали два факта: весьма привилегированный уровень сверхсекретного доступа, которым, казалось, обладал этот источник, и изошренность его политического анализа. Вместе с первой порцией разоблачений аноним направил и свой личный манифест. В нем он раскрыл свои мотивы: показать масштабы того, что сам он расценивал как государство тотального наблюдения и слежки. И утверждал, что технология слежки за людьми уже вышла за рамки закона. Не замечать этого и дальше просто невозможно.

Амбиции АНБ просто огромны, подчеркивал источник. За последние десять лет невероятно вырос объем цифровой

информации, курсирующей между континентами. На таком фоне агентство постепенно отклонилось от своей первоначальной миссии – сбора иностранных разведданных. Теперь АНБ собирало данные на всех и вся. А также записывало и хранило эти данные. Сюда входили сведения, почерпнутые и на территории США, и за их пределами. АНБ тайно занималось не чем иным, как массовой электронной слежкой. Так утверждал источник.

Парочка подошла к пластмассовому аллигатору заранее. Они уселись и стали ждать. Гринвальд принялся размышлять о том, не связан ли символ аллигатора с китайской культурой. Точно он этого не знал.

Ничего не происходило. Таинственный незнакомец не появлялся. Это было странно.

В случае, если первоначальная встреча не состоится, они планировали вернуться позднее тем же утром в тот же самый коридор между блестящим внутренним торговым центром отеля «Мира» и одним из его ресторанов. Гринвальд и Пойтрас возвратились туда. Они ждали во второй раз.

А потом они увидели его – бледного, худощавого, с виду нервного, невероятно молодого человека. Потрясенный, Гринвальд даже подумал, что этот юноша еще слишком молод, чтобы бриться. Он был одет в белую футболку и джинсы. В правой руке держал кубик Рубика. Может быть, это какая-то ошибка? «На вид ему было года двадцать три, не больше. Я был совершенно сбит с толку. Все мои бывшие предпо-

ложения рухнули», – позже напишет Гринвальд.

И этот молодой человек – если он и в самом деле был тем таинственным источником – прислал ему инструкции по поводу того, как должна проходить проверка при личной встрече:

Гринвальд. Во сколько открывается ресторан?

Источник. В полдень. Но не ходите туда, еда – полный отстой...

Обмен фразами выглядел довольно смешно. Гринвальд, уже нервничая, произнес свои строчки, изо всех сил стараясь сохранить невозмутимое выражение лица.

Затем Сноуден просто сказал: «Следуйте за мной». И все трое направились к лифту. Вокруг никого больше не было, по крайней мере, они никого не заметили. Они поднялись на второй этаж и проследовали за человеком с кубиком в руке в номер 1014. Он открыл дверь с помощью своей магнитной ключ-карты, и они вошли.

– Пришлось смириться, – сказал Гринвальд.

Их миссия уже в самом начале выглядела довольно странной. Но теперь она уверенно обретала характер сумасбродной затеи. Этот худощавый парень, с виду обыкновенный студент, конечно, был слишком молод и с виду мелковат, чтобы иметь доступ к сверхсекретным материалам. Некоторый оптимизм Гринвальд пока сохранял – он предположил, что парень мог оказаться сыном настоящего разоблачителя или его личным помощником. В противном случае эта

встреча превращалась в пустую трату времени, в мистификацию жюль-верновских масштабов.

Пойтрас тайно общалась с источником в течение четырех месяцев. Она чувствовала, что узнала его – или, по крайней мере, его онлайн-версию. Она также изо всех сил пыталась подстроиться под увиденное. «Я чуть в обморок не упала, когда увидела, какой он молодой. Мне потребовались сутки, чтобы целиком перестроиться».

Однако за день Сноуден успел о себе кое-что рассказать. Ему 29 лет, и он работал по контракту в Агентстве национальной безопасности, в региональном оперативном центре АНБ в Куниа на Гавайях. За две недели до этой встречи он взял отпуск, а по сути, бросил работу, простился со своей подругой и тайно улетел в Гонконг. С собой он захватил четыре ноутбука.

Вся информация на ноутбуках была тщательно зашифрована. С их помощью Сноуден получал доступ к документам с внутренних серверов АНБ и GCHQ. Фактически это десятки тысяч документов. Большинство – с грифом «Совершенно секретно». Некоторые были с пометкой Top Secret Strap 1 – согласно британской классификации сверхсекретных перехваченных материалов – или даже Strap 2, что соответствовало наивысшему уровню секретности. Никто – кроме ограниченного круга сотрудников службы безопасности – никогда прежде таких документов не видел. Сейчас, по собственным словам Эдварда Сноудена, он становится источником самой

крупной утечки разведывательной информации в истории.

Войдя в номер, Гринвальд сразу же заметил следы многодневного пребывания постояльца: небубренные подносы, тарелки с остатками пищи, грязные столовые приборы. Сноуден рассказал, что с тех пор, как две недели назад поселился в этой гостинице под собственным именем, отваживался выйти в город всего трижды. Он присел на кровать, а в это время Гринвальд начал засыпать его вопросами: где именно он работал, кто был его боссом в ЦРУ? На кону была репутация Гринвальда. И заодно репутация его редакторов в Guardian. А если бы Сноуден оказался тем, за кого себя выдавал, то в любой момент сюда могли ворваться спецслужбы ЦРУ, конфисковать ноутбуки, а его самого увести прочь.

Но и у Гленна Гринвальда, и у Лауры Пойтрас возникло стойкое ощущение, что Сноуден не фальшивка, что он не водит их за нос. Его информация вполне могла оказаться правдой. Выглядели убедительными и мотивы разоблачителя. Он четко, убедительно и спокойно объяснил, что в качестве системного администратора получил представление об исключительных шпионских возможностях АНБ и в итоге разглядел множество темных сторон деятельности этого агентства.

АНБ может прослушивать «кого угодно», сказал он. Теоретически, шпионское ведомство должно вести радиотехническую разведку (SIGINT – от *англ.* Signals Intelligence) иностранных целей. На самом же деле, со слов Сноудена, все обстояло далеко не так: АНБ уже выуживало информацию у

миллионов американцев. Данные о телефонных разговорах, заголовки сообщений электронной почты, предметные строки прослушивались и читались без какого-либо подтверждения или согласия. Из всего этого можно было составить электронный комментарий о жизни того или иного человека – узнать о его друзьях, возлюбленных, о радостях и печалях.

Вместе с британским GCHQ АНБ тайно подключило устройства перехвата информации к подводным стекловолоконным кабелям, окружающим весь мир. Это позволило США и Великобритании читать большую часть всемирной переписки. Телекоммуникационных провайдеров обязали передавать информацию спецслужбам. Более того, по словам Сноудена, с АНБ связана почти вся Кремниевая долина – Google, Microsoft, Facebook, даже знаменитая Apple Стива Джобса. АНБ утверждало, что у него есть «прямой доступ» к серверам технологических гигантов.

Наделив себя беспрецедентными возможностями тотальной слежки, американское разведывательное сообщество скрывало правду о своей истинной деятельности, рассказ Сноуден. Если Джеймс Клэппер, директор Национальной разведки, преднамеренно лгал конгрессу о программах АНБ, то тем самым совершал уголовное преступление. АНБ самым наглым образом нарушало американскую конституцию и права на неприкосновенность частной жизни. Оно даже устроило секретные лазейки в программах онлайн-шифрования – используемых для проведения безопасных бан-

ковских платежей – и тем самым ослабило эти системы для всех и каждого.

По мере того как Сноуден вел свой рассказ, деятельность АНБ, казалось, перекликается с мрачными фантазиями XX столетия. На эти мысли наталкивают произведения Олдоса Хаксли или Джорджа Оруэлла. Но окончательная цель АНБ, казалось, простиралась еще дальше: собрать все у всех и повсюду и хранить это у себя неопределенно долго. Наступил поворотный момент. Это выглядело как полная ликвидация частной жизни. Шпионские службы отняли у людей Интернет – когда-то надежную платформу для проявления собственной индивидуальности и самовыражения. Сноуден использовал понятие «паноптикум». Его придумал британский правовед, философ, экономист и общественный деятель Иеремия Бентам. Он описал это в форме круговой тюрьмы, где тюремщики могли всегда видеть своих заключенных, а те не догадывались о том, что за ними ведется наблюдение.

И именно поэтому, утверждал Сноуден, он и решил предать огласке деятельность АНБ. А заодно распрощаться с прежней жизнью и карьерой. Он сказал Гринвальду, что не хочет жить в мире, «где все, что я говорю, все, что делаю, каждый, с кем я общаюсь, каждое выражение творчества, любви или дружбы записывается».

В последующие недели заявления Сноудена спровоцируют эпохальные дебаты. Они приведут в ярость Белый дом и Даунинг-стрит. Они вызовут международную панику, когда

Сноуден ускользнет из Гонконга, попытается получить убежище в Латинской Америке и в итоге оседет в путинской Москве.

В Америке и Европе (хотя и не в Великобритании Джеймса Бонда) возникли оживленные споры о надлежащем балансе между безопасностью и гражданскими свободами, между свободой слова и частной жизнью. Несмотря на лихорадочную поляризацию американской политики, правые либертарианцы и левые демократы объединились в поддержку Сноудена. Даже президент Барак Обама признал, что дебаты стали запоздалыми и необходима реформа. Хотя это не помешало американским властям аннулировать паспорт Сноудена, обвинить его в шпионаже и потребовать от России его выдачи.

Борьба за публикацию истории и документов Эдварда Сноудена высветила перед журналистами ряд проблем – юридических, материальных, редакционных. Это столкнуло известную во всем мире газету, ее веб-сайт и некоторых союзников в СМИ с рядом самых могущественных людей на планете. И привело к уничтожению жестких дисков Guardian в цокольном этаже под присмотром двух экспертов британского GCHQ. Разрушение дисков – это особенно сюрреалистический эпизод в истории западной журналистики и ее битвах с государством.

Когда Сноуден сидел в своем гостиничном номере в Гонконге и рассказывал о желании запустить разоблачительную

кампанию, он был спокоен. По мнению Гринвальда, он интеллектуально, эмоционально и психологически был убежден в правильности своих действий. После начала разоблачений Сноуден признал, что его, скорее всего, ждет тюремное заключение. Но в те важнейшие в своей жизни летние месяцы он излучал спокойствие и хладнокровие. Он добился непоколебимой внутренней уверенности. Ничто уже не могло заставить его свернуть с избранного пути.

Глава 1

TheTrueНООНА

Элликот-Сити, неподалеку от Балтимора Декабрь 2001 года

*Ничего нет святее безукоризненной честности
нашего духа.*

*Ральф Уолдо Эмерсон. Доверие к себе. Нравственная
философия. Часть I. Опыты*

В конце декабря 2001 года некий пользователь под псевдонимом TheTrueНООНА задал вопрос. Им оказался 18-летний американец, энергичный поклонник компьютерных игр, имеющий недюжинные навыки в области информационных технологий (ИТ). И вообще смышленный малый. Настоящее его имя было неизвестно. Но в то время все, кто переписывался на Ars Technica, популярном технологическом вебсайте, делали это анонимно. Большинство участников переписки были молодыми людьми. И каждый из них являлся страстным поклонником Интернета.

TheTrueНООНА хотел получить рекомендации по поводу настройки собственного веб-сервера. Произошло это утром в субботу, приблизительно в 11 часов по местному времени. В своем сообщении он написал: «Зашел сюда в первый раз.

Будьте добры, помогите. Вот такая у меня проблема: хочу настроить у себя хост-узел. Что мне для этого нужно?»

Вскоре от регулярных пользователей Ars посыпались разные предложения. Настройка собственного веб-сервера не представляла собой такое уж важное событие, но для этого требовался компьютер не хуже Pentium 200, большое количество памяти и приличная пропускная способность.

Новичку эти ответы пришлись по душе. Он написал: «Надо же, сколько на Ars компьютерных спецов. Настоящая сокровищница». В 2 часа ночи он был все еще в режиме онлайн (хотя к тому времени немного устал: «Уже зеваю. Пора спать, завтра с утра меня наверняка ждут новые порции материалов от компьютерных фанатов»).

На Ars TheTrueНООНА, естественно, был новичком. Но его ответы и реплики были быстрыми и уверенными. «Если я похожу на воинственного, заносчивого 18-летнего выскочку, который не проявляет уважения к старшим, то вы, вероятно, на пути к важному открытию», – написал он. Видимо, он неодобрительно относился к своим учителям, поскольку писал: «Сами знаете, в колледжах работают не самые смысленные преподаватели».

TheTrueНООНА стал весьма активным участником Ars. В последующие восемь лет он выдал более 800 комментариев. Он часто писал и на других форумах, в частности на #arsificial. Кто был этот человек? Казалось, круг его занятий был весьма широк; он описывал себя по-разному: то он

«безработный», то несостоявшийся солдат, то «системный редактор», то сотрудник, имевший допуск к секретной информации Государственного департамента.

Не напоминал ли он небезызвестного Уолтера Митти?³ Он жил на Восточном побережье Америки в штате Мэриленд, близ Вашингтона, округ Колумбия. Но к своим двадцати с лишним годам, похоже, превратился в международного человека-загадку. Он неожиданно появлялся в Европе – в Женеве, в Лондоне, в Ирландии (отличное место, если не считать «проблемы социализма»), Италии и Боснии. Он также ездил в Индию.

По поводу своей истинной деятельности TheTrueHOONA помалкивал. Но кое-какие зацепки все-таки были. Несмотря на отсутствие какой-либо научной степени, он обладал обширными познаниями в области компьютерной техники и, казалось, большую часть жизни провел в режиме онлайн. То есть был эдаким самоучкой. Его политические предпочтения, судя по всему, были явно на стороне республиканцев. Он твердо верил в личную свободу, защищая, например, тех же австралийцев, которые выращивали коноплю.

Время от времени он вел себя довольно грубо. Так, одного из участников форума он обозвал «петухом», а тех, кто

³ Уолтер Митти – персонаж рассказа Дж. Тербера из сборника «Тайная жизнь Уолтера Митти» (1939). Неловкий, робкий человек, находящийся под каблуком своей жены. Убогость своей повседневной жизни скрашивает фантазиями о рискованных приключениях, в которых он настоящий мужчина и герой. Имя его стало нарицательным.

не согласился с его слишком категоричными представлениями по поводу социального страхования, называл «чертовыми тормозами». Даже по меркам подобных дискуссий – куда, как и в баре, каждый мог при желании явиться со своим табуретом – TheTrueНООНА выглядел чересчур уж самоуверенным.

Другие пользователи так и не узнали настоящего имени человека, выступавшего под псевдонимом TheTrueНООНА. Хотя и получили представление о его внешности. В апреле 2006 года, за несколько месяцев до своего 23-летия, TheTrueНООНА поместил на сервер собственные любительские фотографии. На них оказался симпатичный и бледный молодой человек несколько вампирской внешности, который уныло смотрит в объектив. На одном из снимков у него на руке виден странный кожаный браслет.

«Симпатичный», – отметил один из участников.

«Не нравятся браслеты?» – спросил TheTrueНООНА, когда кто-то заметил, что он похож на гомика. Он упорно настаивал на своей гетеросексуальности. И как бы вскользь добавил: «Моя подруга – фотограф».

Журналы чатов, в которых участвовал TheTrueНООНА, охватывают широкий массив тем: игра, девушки, секс, Япония, фондовый рынок, неудачная служба в американской армии, впечатления от многонациональной Великобритании, радость от обладания собственным оружием. («У меня есть вальтер/Walther P22. Это – мое единственное оружие, но я

люблю его до смерти», – написал он в 2006 году.) Эти журналы образуют в своем роде Bildungsroman,⁴ или роман обретения юношеского опыта, написанный представителем поколения тех людей, которые выросли вместе с Интернетом.

Затем, в 2009 году, активное участие в форумах прекращается. Что-то происходит. Последние сообщения становятся мрачными. В них ощущается налет горечи. В феврале 2010 года TheTrueНООНА пишет одно из своих заключительных сообщений. TheTrueНООНА упоминает о том, что так его беспокоит: правительственная слежка, приобретающая все более широкие масштабы. Он пишет:

«Общество, похоже, и в самом деле выработало в себе абсолютное подчинение зловещим моделям.

Интересно, хорошо ли в 1750 году расходились конверты, которые делались прозрачными при свете волшебных федеральных свечей? А в 1800-м? В 1850-м? В 1900-м? В 1950-м? Добрались ли мы туда, где находимся сейчас, по скользкому склону, на котором тем не менее могли в любой момент остановиться? Или это на самом деле произошло в результате каких-то мгновенных перемен, которые незаметно подкрались к нам в результате более широкой секретной деятельности государства?»

Последнее сообщение от участника под ником TheTrueНООНА датируется 21 мая 2012 года. После этого

⁴ Воспитательный роман (нем.).

он исчезает, затерявшись в необъятном киберпространстве. Но, как мы теперь уже знаем, год спустя TheTrueНООНА, также известный как Эдвард Сноуден, отправляется в Гонконг.

Эдвард Джозеф Сноуден родился 21 июня 1983 года. Друзья называют его просто Эд. Его отец Лонни Сноуден и мать Элизабет – известная как Венди – полюбили друг друга еще в средней школе и поженились в 18 лет. Лон служил офицером в американской Береговой охране. Свои первые годы Сноуден провел в Элизабет-Сити, на побережье Северной Каролины, где расположены самая крупная авиационная и морская базы Береговой охраны страны. У него есть старшая сестра, Джессика. Как и у других бывших американских военнослужащих, у Сноудена-старшего повышенное чувство патриотизма. Он – консерватор. И либертарианец.

Но он вдумчивый консерватор. Отец Сноудена красноречив, начитан и цитирует на память произведения поэта и философа Ральфа Уолдо Эмерсона, проповедовавшего собственные принципы борьбы с диктатом коррумпированного государства. Поступая на службу в Береговую охрану США, Лон Сноуден дал клятву соблюдать Конституцию США и Билль о правах. Он относился к этому очень серьезно. Для него присяга не была лишь последовательностью пустых фраз: она подкрепляла собой торжественный контракт между гражданином и государством.

Когда Сноуден был маленьким – мальчиком с густыми

светлыми волосами и ослепительной улыбкой, – он вместе с семьей переехал в Мэриленд, в пригородную зону округа Колумбия. Сноуден посещал начальную и промежуточную школы в Крофтоне, в графстве Энн-Эрандел, в городке, расположенном на полпути между Вашингтоном и Балтимором, где было много красивых особняков. Ни одна из прежних школ Сноудена не производила приятного впечатления, обе были похожи на кирпичные бункеры без окон (в первой, по крайней мере, есть хотя бы сад с кустами и одиноким деревом рядом с автостоянкой). В подростковом возрасте Сноуден перешел в расположенную по соседству среднюю школу «Эрандел-Хай», которую посещал полтора года.

Как вспоминает его отец, учеба Сноудена, по сути, сбилась с нужного ритма, когда он серьезно заболел. По всей видимости, у него был инфекционный моноклеоз. Пришлось пропустить «четыре или пять месяцев занятий». Не мог не сказаться на учебе сына и еще один фактор: развод родителей. Их непрочный брак доживал последние дни, и среднюю школу он закончить не смог. В 1999 году 16-летний Сноуден поступил в колледж города Энн-Эрандел. В обширном студенческом городке колледжа имеются бейсбольный и футбольный стадионы; местный спортивный девиз гласит: «Вам не скрыть свою рискованную гордость».

Сноуден посещал компьютерные курсы, а позже сдал тесты и получил сертификат, эквивалентный аттестату о среднем образовании. Но его неспособность окончить среднюю

школу станет источником мучительного смущения и защитного поведения. В феврале 2001 года мать Сноудена подала на развод. Три месяца спустя этот развод обрел форму юридически оформленного документа.

После расставания родителей Сноуден сначала снимал комнату с сокурсником, затем жил с матерью в Элликот-Сити, западнее Балтимора. Дом его матери расположен в автономном жилом квартале Вудленд-Виллидж (Лесная деревня), с собственным плавательным бассейном и теннисным кортом. Ее серый двухэтажный дом расположен рядом с травянистым склоном. Здесь есть детская площадка, во дворах растут герань и хоста, дамы средних лет выгуливают больших гладкошерстных собак. Это приятное и дружелюбное место. Соседи вспоминают, что часто видели Сноудена через незашторенное окно. Обычно тот сидел за своим компьютером.

Город, в котором они жили, называли в честь Эндрю Элликота – квакера, который эмигрировал из Англии в 1730 году. В конце XVIII столетия Элликот процветал; здесь, на восточном берегу реки, располагались мукомольные фабрики, и в городе строили прочные дома из местного темного гранита. Здесь даже сохранилась одна из британских пушек. По соседству располагался Балтимор со своим портом. К XXI столетию мукомольные фабрики ушли в прошлое. В некоторых случаях их в буквальном смысле смыло волной. Главным местным работодателем в Мэриленде теперь являлось

федеральное правительство. Отсюда до столицы страны Вашингтона было рукой подать.

Эдвард Сноуден жил и рос в гигантской тени одного крупного государственного ведомства. От дома его матери туда можно доехать всего за каких-нибудь четверть часа. Въезд на территорию комплекса, расположенного на полпути между Вашингтоном и Балтимором, строго запрещен. Деятельность этого ведомства носит явно секретный характер. Наполовину закрытое деревьями, там стоит гигантское зеленое здание в форме куба. Вся крыша усеяна антеннами. Имеется просторная автостоянка, большая электростанция и белый, словно огромный шар для гольфа, обтекатель антенны. Внутри видны диски спутниковых антенн, электрифицированные проволочные заборы, видеокамеры. Везде царит атмосфера сверхнадежной системы безопасности. Рядом с автомагистралью Балтимор – Вашингтон щит с надписью: «Сразу направо – Агентство национальной безопасности. Вход только для сотрудников ведомства».

Этот сверхсекретный охраняемый комплекс – штаб-квартира Агентства национальной безопасности, американской шпионской организации, которая с 1952 года занимается иностранной радиотехнической разведкой. Будучи подростком, Сноуден уже многое знал об АНБ. Его колледж располагался по соседству. В АНБ работали многие соседи его матери. Каждое утро они отправлялись туда на машинах, пересекали покрытое зеленью поле, и каждый вечер возвращались

домой из комплекса площадью тысяча акров в Форт-Миде. «Дворец загадок», или, как его называют, SIGINT-Сити, является местом работы 40 тысяч человек. Это самый крупный работодатель для специалистов в области математики в Соединенных Штатах.

Для Сноудена, однако, вероятность оказаться в этом сумеречном правительственном мире была невелика. В свои двадцать с небольшим он в основном был сосредоточен на компьютерах, причем в более широком смысле. Для него Интернет был «самым важным изобретением в истории человечества». Он общался в режиме онлайн с людьми «самых разных взглядов, с которыми бы никогда не столкнулся в обычной жизни». Целые дни он проводил блуждая по лабиринтам Всемирной сети и играя в «Теккен», японскую ролевою игру. Сноуден был не только компьютерным фанатом: он старался поддерживать хорошую физическую форму, занимался кунг-фу и, если верить одному из комментариев на сайте Ars, «назначал свидания азиатским девушкам».

Но он признал, что все это не слишком способствовало его карьере. В 2003 году он отправляет такое сообщение: «Я сертифицированный системный инженер по продуктам Microsoft без степени и допуска. Проживаю в Мэриленде. Считайте, что я безработный».

Отец Сноудена тем временем переехал в Пенсильванию, где собирался повторно жениться.

Вторжение США в Ирак в 2003 году заставило Сноуде-

на серьезно задуматься о карьере в вооруженных силах. Его отец три десятка лет прослужил в американской Береговой охране, и у Сноудена, судя по его словам, возникло сильное желание служить своей стране. «Мне хотелось участвовать в иракской войне, я чувствовал, что, как человек, обязан помочь другим людям освободиться от притеснений режима». Его мотивы, какими бы они ни казались идеалистическими, полностью соответствовали заявленным тогда целям президента Джорджа У. Буша, решившего свергнуть Саддама Хусейна. Возможно, их считали наивными.

Сноуден подумывал о вступлении в американский спецназ. Вооруженные силы предлагали тогда на первый взгляд довольно привлекательную схему, посредством которой новобранцы без какого-либо военного опыта могли пройти соответствующие испытания и получить шанс стать элитными солдатами. В мае 2004 года Сноуден принял решение и зачислился. Он отправился в Форт-Беннинг в штате Джорджия, где располагался крупный военный лагерь. Здесь новобранцам предлагался 8 – 10-недельный курс начальной подготовки, затем – более специализированный курс подготовки бойцов-пехотинцев. Потом, наконец, проводился тест на пригодность к службе в подразделениях спецназа.

Для Эдварда Сноудена его недолгий период службы в американских вооруженных силах оказался сущим бедствием. Он был в неплохой физической форме, но в солдаты не годился. Он был близоруким, его зрение составляло –6.50/ –

6.25. («Острота моего зрения заканчивалась приблизительно в четырех дюймах от глаз, и специалист по оптике поднял меня на смех», – написал он на одном из форумов.) Кроме того, у него также были необычно узкие ступни ног. «Потребовалось целых 45 минут, чтобы в Форт-Беннинге для меня отыскали подходящие военные ботинки», – пишет он на форуме Ars. Этот эпизод закончился в итоге неприятным выговором от сержанта-инструктора по строевой подготовке.

Он писал, что мало кто из его новых армейских коллег разделял его благородную цель и желание помочь угнетаемым гражданам сбросить оковы. Вместо этого его начальству хотелось научить своих подчиненных лишь строго выполнять приказы и стрелять в людей. Предпочтительно в мусульман. «Люди, тренирующие нас, казалось, озабочены лишь тем, как уничтожить побольше арабов, а не кому-то помогать», – пишет он.

Затем во время прохождения курса пехотной подготовки он умудрился сломать обе ноги. После более чем месячных колебаний армия наконец указала ему на дверь...

Вернувшись в Мэриленд, он получил работу в качестве «специалиста по безопасности» в Центре специальной языковой подготовки Университета Мэриленда. Это произошло в 2005 году (то есть начинал он с охранника, а потом постепенно перешел в сферу ИТ). Сноуден работал на секретном объекте АНБ на территории университетского городка. Видимо, благодаря своему краткому воинскому опыту он во-

шел-таки в мир американской разведки, хотя и на самом низком уровне. Центр тесно сотрудничал с американским разведывательным сообществом – или РС, – обеспечивая продвинутую языковую подготовку слушателей.

Сноудену, возможно, недоставало научной степени, но в середине 2006 года ему удалось получить работу в сфере информационных технологий в ЦРУ! Он быстро понял, что его исключительные навыки в ИТ могут открыть перед ним двери во многие заманчивые государственные ведомства. «Первым делом нужно сказать, что всякие там степени и корочки – это чушь собачья, по крайней мере, здесь, внутри страны. Если у тебя «действительно» за плечами десять лет твердого, подтвержденного опыта в сфере ИТ... то ты МОЖЕШЬ получить очень высокооплачиваемую работу в ИТ», – пишет он в июле 2006 года «У меня нет никакой степени, нет даже нормального аттестата об окончании средней школы, но я зарабатываю намного больше, чем платят вам, несмотря на то что мой опыт насчитывает всего шесть лет. Сюда трудно «ворваться», но, как только ты чего-то добьешься и получишь «реальную» позицию, считай, что дело в шляпе».

Сноуден выяснил, что государственная служба предлагает соискателю захватывающие возможности, в том числе поездки за рубеж и щедрые привилегии. При этом не нужно быть Джеймсом Бондом, достаточно просто занять «стандартную позицию специалиста по ИТ». Он описывает Государственный департамент как «место, где нужно быть уже сейчас».

Одной из вышеупомянутых привилегий был доступ к секретной информации: «Да, работа в ИТ на Государственный департамент гарантирует, что у вас будет допуск к совершенно секретным данным». Он также предлагает советы по карьерной стратегии. В государстве «не хватает сотрудников». Он продолжает: «Европейские посты вполне конкурентоспособны, но вам будет намного проще войти в ту или иную дверь, если вы проявите интерес к какому-нибудь ближневосточному гадючнику. Как только добьетесь своего и будете приняты, вас отправят в какую-нибудь дыру, где вы сможете выбрать себе позицию из перечня привилегированных должностей». Позже он восклицает: «Слава богу, что на свете есть войны!»

Частая смена места работы оказала большое влияние на Сноудена. В 2007 году ЦРУ направило его в первую зарубежную командировку. Он поехал в Женеву. Тогда ему было всего 24 года. Его новая работа заключалась в поддержании бесперебойного функционирования компьютерной сети ЦРУ и обеспечении компьютерной безопасности американских дипломатов, работающих в Женевской миссии (у многих местных дипломатов имелись лишь базовые навыки владения Интернетом). Сноуден отвечал за телекоммуникационные информационные системы. Он также должен был следить за отоплением и работой систем кондиционирования.

Швейцария стала для Сноудена своего рода пробуждением и в чем-то авантюрой. Ему впервые пришлось жить

за границей. Женева была важным центром для шпионов – американских, русских и многих других. Здесь вертелись коммерческие и дипломатические тайны. Город был местом расположения большого сообщества банкиров, а также нескольких секретариатов ООН и штаб-квартир мультинациональных компаний; приблизительно одну треть его жителей представляли иностранцы. Город был благороден, уравновешен и хорошо организован. Большинство горожан были людьми весьма состоятельными, но здесь также осели и многочисленные представители мигрирующих низших слоев общества (Сноуден с изумлением узнал о том, как какие-нибудь нигерийцы стремительно овладевали языками, имеющими хождение в Швейцарии).

Американская миссия, где у Сноудена было дипломатическое прикрытие, располагалась в центре города – в здании из стекла и бетона постройки 1970-х годов, огороженном стеной и забором с коваными металлическими воротами. Рядом находилась русская миссия. Сноуден жил в уютной правительственной квартире, окна которой выходили на Рону, на набережную Сёже, в районе Сен-Жан-Фалез. С точки зрения образа жизни эта работа предлагала ни с чем не сравнимые преимущества. В нескольких кварталах к востоку располагалось Женевское озеро, где была резиденция американского посла. Совсем неподалеку были Альпы, а значит, и шанс позаниматься альпинизмом, покататься на лыжах и просто побродить в горах и подышать свежим воздухом.

Форумы на Ars Technica рисуют нам портрет молодого человека, который, по крайней мере первоначально, смотрел на мир через провинциальную американскую призму. Начнем с того, что Сноуден испытывал к швейцарцам смешанные чувства. В одном чате он жалуется на дороговизну («Вы, парни, не поверите, как же здесь все дорого»), на нехватку водопроводной воды в ресторанах и непомерную стоимость гамбургеров (15 долларов).

Были другие моменты культурного шока: по поводу метрической системы мер и швейцарского богатства («Господи Иисусе, какие же богатые люди эти швейцарцы. Работники какого-то гребаного «Макдоналдса» зарабатывают больше меня!» – восклицает он). Но в целом он довольно тепло относится к своей новой среде. В переписке с одним из участников форума он пишет:

<TheTrueH00NA> Дороги шириной 35 дюймов.

<TheTrueH00NA> 9000 автомобилей, две трамвайные колеи и автобусная полоса.

<TheTrueH00NA> И велосипедная дорожка.

<TheTrueH00NA> Могу представить, что (машины) там все время цепляются (боковыми) зеркала.

<TheTrueH00NA> Боюсь, я бы врезался в кого-нибудь и пришлось бы платить.

<User3> У них среди населения много иммигрантов, выполняющих низкооплачиваемую работу?

<TheTrueH00NA> Да. Много выходцев из Юго-Восточной Азии и жителей Восточной Европы, которые не говорят ни по-французски, ни по-английски.

<TheTrueH00NA> Но только не пойми меня превратно – это место удивительное.

<TheTrueH00NA> Жизнь – как на открытке.

<TheTrueH00NA> Просто здесь все кошмарно дорого.

<User4> TheTrueH00NA: где ты?.ch?

<TheTrueH00NA> Да. Женева, Швейцария.

<User4> Клево!

<TheTrueH00NA> Да... пока что здесь все круто.

В Женеве Сноуден столкнулся с эклектичными взглядами, в том числе и с самыми радикальными. Эстонская рок-звезда Мел Калдалу, также известный как Рой Страйдер, познакомился со Сноуденом на городском мероприятии по поддержке тибетской культуры. Движение «Свободный Тибет» организовало в городе демонстрации накануне летней Олимпиады 2008 года в Пекине (штаб-квартира Международного олимпийского комитета расположена в соседней Лозанне).

Сноуден посетил несколько протибетских мероприятий, за что его кое-кто даже стал называть китайским шпионом. Вместе с клубом боевых искусств он принял участие в праздновании китайского Нового года. «Однажды он преподавал мне урок военного искусства, и я был удивлен его способностями и весьма изумлен тем, что он не смог помягче отне-

стись к новичку», — написала Мейвени Андерсон, женевская знакомая Сноудена, в газете Chattanooga Times Free Press, которая печатается в штате Теннесси.

Как-то раз Сноуден подвез своего друга, эстонского певца Калдалу, в Мюнхен. На полупустом немецком автобане они болтали несколько часов. Темы были самыми разными: о Китае, об израильско-палестинских отношениях и о роли США на международной арене. Сноуден утверждал, что США должны действовать как мировой полицейский. Калдалу с ним не согласился. Он говорит: «Эд — определенно умный парень. Может быть, немного упрямый. Он откровенен. Ему нравится все обсуждать. Он самодостаточен. У него есть собственное мнение».

Эстонская рок-звезда и технический специалист из ЦРУ говорили о трудностях, с которыми сталкивались протибетские активисты при получении китайских виз. К Пекинской олимпиаде Сноуден относился скептически. Калдалу сказал, что израильская оккупация Палестины в нравственном плане сомнительна. Сноуден сказал, что понимает это, но считает американскую поддержку Израиля «не самым худшим» вариантом. Калдалу со своей стороны предложил «деконструктивный» подход. Парочка также обсуждала и новый мировой порядок: как быстрые перемены в сфере цифровых технологий, а также появление Facebook и социальных сетей могут повлиять на демократию и то, как люди будут управлять собой.

Пожив на американском Восточном побережье, Сноуден был сравнительно замкнутым человеком. Но теперь он переехал в Европу и общался с самыми разными людьми, в том числе и с музыкантами левого толка («самое забавное, что он тоже помещан на компьютерах», — написал Сноуден о Калдалу). Все это было, конечно, благодаря американскому правительству. Работа в ЦРУ принесла ему и другие привилегии. Когда его пытались оштрафовать за нарушение правил стоянки, он не платил, а заявлял о своей дипломатической неприкосновенности. Он также воспользовался возможностями лучше познакомиться с Европой. Судя по комментариям на форуме Ars Technica, Сноуден ездил в Сараево, где из гостиничного номера слышал, как мусульман зовут на молитву. Он посетил Боснию, Румынию и Испанию и составил собственное мнение относительно местной пищи и женщин.

Не упоминая о ЦРУ, Сноуден рассказывал Калдалу кое-что о своей работе. «Насколько я понял, он занимался чем-то вроде ИТ и работал в американском посольстве. Он сказал, что его работа связана с разъездами и что посольства должны постоянно связываться друг с другом и потому иметь безопасные платформы... Он немного саркастически отзывался об уровне компьютерной грамотности среди дипломатов. Сказал, что ему нужно установить чат-мессенджер для общения и что вообще он мог бы сделать не только это, а намного больше. Ясно, что у него за плечами большой опыт в сфере ИТ».

Иногда Сноуден задавался вопросом, не является ли Швейцария «немного расистской». В то же время на него произвело большое впечатление отношение швейцарцев к свободе личности, а также тот факт, что проституция здесь абсолютно легальна. Сноуден также проявил себя наркоманом скорости. Здесь в его распоряжении был новенький темно-синий BMW, и во время поездки в Мюнхен он разогнался до 180 км/ч. Он признался, что удалил электронный ограничитель скорости, чтобы ездить побыстрее. И вообще хотел как-нибудь выбраться на гоночный трек и посостязаться с профессионалами. А в Италии он ездил и на мотоциклах.

Сноуден, конечно, общался с очень разными людьми, причем и с такими, кто исповедовал далеко не проамериканскую идеологию, но при этом оставался пылким сторонником капитализма и свободных рынков. Его вера была и практичной, и доктринальной. Большую часть своего пребывания в Швейцарии он спекулировал на фондовом рынке, без малейшего сожаления «шортил» свои акции и потом с благоговейным ужасом наблюдал, как в 2008 году разразился глобальный кризис, засосавший в свой вихрь США и Европу. Иногда ему удавалось кое-что заработать, но чаще он все-таки терял деньги.

Онлайн он часто пишет о своих подвигах. Защищает золотой стандарт.⁵ Пренебрежительно относится к высокому

⁵ Золотой стандарт – денежная система, при которой национальные денежные единицы имеют установленное законом золотое содержание и подлежат свобод-

уровню безработицы и видит в ней, как следует из его комментариев на Ars, «необходимость» и своего рода «поправку к капитализму». Когда один пользователь спрашивает, как «ты относишься к 12-процентной безработице?», Сноуден защищается: «До 1900 года почти все занимались собственным бизнесом, были мелкими предпринимателями. Почему 12-процентная безработица вызывает такой ужас?»

Человеком, который сильнее других повлиял на формирование у Сноудена правых взглядов, был Рон Пол, самый известный представитель американского либертарианства, у которого появилась целая армия последователей, особенно среди молодежи. Пол 30 лет провел в конгрессе, время от времени отвергая как республиканский истеблишмент, так и политический консенсус. Он был ярким противником социализма, кейнсианской экономической теории⁶ и Федеральной резервной системы. Он был против американского вмешательства за границей. И еще терпеть не мог правительственную слежку.

Сноуден поддержал выдвижение Рона Пола кандидатом

ному размену на золото; впервые был введен в 1717 году по инициативе Исаака Ньютона; с 1834 года стал применяться в США; остальные крупные страны присоединились к стандарту в 1870-х годах; период с 1880 года по 1914 год называется классическим золотым стандартом; в 1925–1931 годах действовал в более мягкой форме золотовалютного стандарта; действовал до 1933 года.

⁶ Кейнсианская экономическая теория – макроэкономические концепции, в соответствии с которыми капиталистическая экономика сама по себе не обеспечивает полное использование своих ресурсов, и для достижения полной их занятости можно применить фискальную и кредитно-денежную политику.

на президентских выборах 2008 года. На него также произвел впечатление республиканский кандидат Джон Маккейн. Он описывал его как «превосходного лидера» и «человека с реальными ценностями». Он не был сторонником Барака Обамы, но и не возражал против него. Во время выборов Сноуден сказал, что мог бы поддержать Обаму, если бы тот так или иначе объединился с Маккейном – что представлялось маловероятным. TheTrueНООНА пишет на форуме Ars: «Нам нужен прежде всего идеалист. Хилари Клинтон, думаю, была бы для страны настоящей оспой».

Как только Обама победил и стал президентом, Сноуден как-то сразу его невзлюбил. Он критиковал попытки Белого дома ввести запрет наступательных вооружений. Своего рода путеводной звездой в мышлении Сноудена в этот и более поздний периоды стала американская конституция, в частности вторая поправка и право служить в армии. Сноуден был не в восторге от компенсационной дискриминации.⁷ Он был также против социального обеспечения, полагая, что люди не должны прибегать к помощи государства, даже в трудные времена.

Некоторых участников форума возмутила такая позиция, и ему написали: «Ну да, неужели?! Значит, к черту стариков, что ли?!»

⁷ Компенсационная дискриминация – прием на работу с намеренным предоставлением преимуществ традиционно дискриминируемым группам; первоначально политическая программа, направленная на ликвидацию расовой дискриминации.

Гневный выплеск TheTrueНООНА не заставил себя ждать: «Эх, вы, тупые придурки... моя бабушка – ей в этом году будет уже, черт возьми, восемьдесят три, и знаете что? Она до сих пор трудится парикмахершей... может быть, и вы поймете, что это такое, когда на самом деле повзрослеете и начнете платить налоги».

Другая тема разозлила его еще больше. В 2009 году Сноуден выступил с резким осуждением государственных чиновников, которые допускали утечку секретной информации в газеты. В представлении Сноудена это было худшее из всех мыслимых преступлений. В январе того же года газета New York Times опубликовала отчет о секретном плане израильтян напасть на Иран. В нем говорилось, что президент Буш «отклонил» запрос Израиля о поставке специализированных сверхмощных бомб для уничтожения подземных бункеров, которые требовались для выполнения этой опасной миссии. Вместо этого Буш заявил израильтянам, что он санкционировал «новую секретную операцию» по саботажу ядерной программы Ирана.

New York Times сообщила, что ее история основана на 15-месячном опыте интервью с действующими и прежними американскими, европейскими и израильскими чиновниками, другими экспертами и международными ядерными инспекторами.

Ответ участника форума Ars Technica под ником TheTrueНООНА стоит привести целиком:

<TheTrueH00NA> ЧЕРТ!

http://www.nytimes.com/2009/01/11/washington/11iran.html?_r=1&hp

<TheTrueH00NA> Какого черта? NYTIMES.

<TheTrueH00NA> Они что, ПЫТАЮТСЯ развязать войну?

Господи Иисусе.

Они ведут себя как wikileaks.

<User19> Они просто сообщают, дурень.

<TheTrueH00NA> Они же передают секретные сведения!

<User19> Подумаешь.

<TheTrueH00NA> О непопулярной стране, окруженной врагами, уже втянутыми в войну, и о наших взаимодействиях с указанной страной по поводу нарушений суверенитета другой страны, нельзя такое дерьмо помещать в ГАЗЕТУ.

<User19> Да ну.

<TheTrueH00NA> Более того, а кто эти, черт бы их побрал, анонимные источники, которые им все это рассказывают?

<TheTrueH00NA> Этим придуркам надо прострелить яйца.

<TheTrueH00NA> Но эти напряженные перепалки также побудили Белый дом активизировать обмен развединформацией с Израилем и информировать израильских официальных лиц о новых американских усилиях по саботажу ядерной инфраструктуры Ирана, это крупная секретная программа, которую г. Буш

собирается передать вновь избранному президенту Баракку Обаме.

<TheTrueH00NA> ПРИВЕТ? НАСКОЛЬКО ЭТО СЕКРЕТНО ТЕПЕРЬ? СПАСИБО.

<User19> Ну-ну.

<TheTrueH00NA> Интересно, сколько сотен миллионов долларов просто пущено на ветер.

<UseM9> Ты слишком остро реагируешь. Это здорово.

<TheTrueH00NA> Это не чрезмерная реакция. У них есть ИСТОРИЯ этого дерьма.

<User19> С цветами и пирогом.

<TheTrueH00NA> Это те же самые люди, которые трубили, что, дескать, «мы можем прослушать сотовый телефон бен Ладена», те же самые люди, которые снова и снова водили нас за нос с чертовой прослушкой. Слава богу, скоро они будут не при делах.

<User19> Ты про New York Times?

<TheTrueH00NA> Надеюсь, в этом году они наконец обанкротятся.

Несколько минут спустя чат продолжается:

<User19> Хорошо, что об этом сообщают.

<TheTrueH00NA> Здорово, когда сообщают этично.

<TheTrueH00NA> О коррупции в политике, конечно.

<TheTrueH00NA> О скандалах, да.

<User19> А что, неэтично сообщать по поводу

правительственных интриг?

<TheTrueH00NA> И НАРУШИТЬ
НАЦИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ? Нет.

<User19> Национальную безопасность.

<TheTrueH00NA> Гм, ДААААААААААА.

<TheTrueH00NA> Эти вещи засекречены не
просто так. Есть основания.

<TheTrueH00NA> Это не потому, что «о, мы
надеемся, наши граждане ни за что не узнают»?

<TheTrueH00NA> Это потому, что «эти вещи не
будут работать, если Иран узнает, что мы делаем».

<User19> Ну-ну.

<TheTrueH00NA> Никто не должен говорить это
для печати, потому что разведданные, связанные с
Ираном, строго засекречены.

<TheTrueH00NA> Прямая цитата.

<TheTrueH00NA> ТОГДА ЗАЧЕМ ВЫ
ГОВОРИТЕ С РЕПОРТЕРАМИ?!

<TheTrueH00NA> Это тайные операции, и
вопрос о том, согласится ли Израиль на что-то меньшее,
чем обычное нападение на Иран, ставит перед г. Обамой
необходимость выработки быстрых и очень непростых
решений.

<TheTrueH00NA> ОНИ БОЛЬШЕ НЕ
ЯВЛЯЮТСЯ ТАЙНЫМИ.

<TheTrueH00NA> Слушай, хватит дурачиться.
Что, теперь нашу внешнюю политику определяют в
NYTimes?

<TheTrueH00NA> А Обама?

<TheTrueH00NA> Обама только что назначил гребаного ПОЛИТИКА управлять ЦРУ!

<UseM 1> Да, в отличие от любого другого директора ЦРУ.

<User11> О, подожди, нет.

<TheTrueH00NA> Я сейчас так зол, что дальше некуда. Это совершенно невероятно.

«Гребаным политиком» был Леон Панетта, назначенный Обамой в 2009 году, несмотря на очевидную нехватку у того опыта в разведке. Этим назначением предполагалось подвести черту под скандалами в разведке в эпоху Буша, связанными с выдачей преступников, секретными тюрьмами ЦРУ и незаконным подслушиванием.

Очевидно, Сноуден знал о WikiLeaks – о сайте, который публикует секретную информацию, взятую из анонимных источников или при ее утечке. Их истории впоследствии пересекутся. Но ему WikiLeaks не нравился. Но на данном этапе антипатия Сноудена по отношению к New York Times опиралась на мнение о том, что «они еще хуже, чем WikiLeaks». Позже, однако, он продолжит обвинять газету в том, что она недостаточно быстро опубликовала явные свидетельства незаконной деятельности Белого дома. То есть, по его представлениям, газета намеренно придерживала эту информацию. Это несколько противоречащие между собой взгляды.

Естественно, обличительные выпады Сноудена против

утечек секретной информации не согласуются с его собственным последующим поведением. Но есть разница между тем, что, возможно, сделала New York Times – раскрыла детали секретных операций, – и тем, что сделал сам Сноуден в 2013 году. Сноуден сейчас поясняет: «Большинство секретов, которыми обладает ЦРУ, связаны с людьми, а не с оборудованием и системами, поэтому я чувствовал себя крайне неудобно на фоне разоблачений, которые, как мне казалось, могли подвергнуть опасности любого человека».

По сути, начало разочарования Сноудена по поводу тотальной правительственной слежки выпадает как раз на период его пребывания в Швейцарии и на те почти полные три года, в течение которых он общался с сотрудниками ЦРУ. Его приятельница Мейвени Андерсон, юрист-стажер, работавшая тогда в американской миссии ООН в Женеве, характеризует его как спокойного, вдумчивого, интроспективного человека, который тщательно взвешивает и просчитывает последствия любого поступка. К концу своего периода работы в Женеве она утверждает, что Сноуден испытывает «кризис совести».

Сноуден позже рассказывал об одном назидательном для него инциденте. Он рассказал Гринвальду, как агенты ЦРУ попытались как-то завербовать швейцарского банкира, чтобы выудить из того секретную финансовую информацию. Сноуден говорил, что они добились этого, накачав его алкоголем и затем отправив на машине домой. А тот вовремя не

сообразил, в чем подвох. Естественно, швейцарская полиция арестовала его за управление автомобилем в нетрезвом состоянии. Тайный агент предложил ему помощь и воспользовался этим случаем, чтобы подружиться и впоследствии завербовать банкира.

«Значительная часть того, что я увидел в Женеве, сильно разочаровала меня в том смысле, как действует мое правительство и каким образом оно оказывает влияние на этот мир. Я понял, что являюсь частью системы, которая причиняет гораздо больше вреда, нежели приносит пользы», — сказал он.

Любое решение слить американские государственные тайны носило тогда зачаточный характер; это была идея, которая только начинала медленно вырисовываться в голове у Сноудена. Кроме того, на тот момент на глаза ему еще не попались самые спорные документы, которые он впоследствии предал огласке. Сноуден говорит, что готов был дать президенту Обаме своего рода «презумпцию невиновности» и ожидал, что тот предотвратит вопиющие злоупотребления в области соблюдения гражданских свобод, начатые в эпоху Буша. В число таких проблем входила американская военная база в заливе Гуантанамо, — по сути, место «свалки» для боевиков, захваченных где-то на поле боя. Многие из тех, кто томился здесь долгие годы, никак не были связаны ни с экстремизмом, ни с Аль-Каидой.

Сноудену хотелось, чтобы Обама призвал к ответу пред-

ставителей администрации Буша, которые несли ответственность за подобные злодеяния: «...предвыборные обещания Обамы и сами выборы заставили меня поверить, что он поведет нас к решению проблем, которые он обрисовывал в общих чертах, когда боролся за наши голоса. Многие американцы чувствовали то же самое. К сожалению, придя к власти, он вскоре закрыл вопрос о расследовании систематических нарушений закона, углубил и расширил ряд порочных программ и отказался тратить свой политический капитал на то, чтобы покончить с теми нарушениями прав человека, которые мы наблюдаем в Гуантанамо, где находящимся в заключении так и не было предъявлено обвинение».

А что же знали боссы Сноудена о его мрачных настроениях? И знали ли вообще? В 2009 году Сноуден поссорился с одним из своих женевских коллег. Он рассказал об этом инциденте журналисту New York Times Джеймсу Райзену. По словам Райзена, Сноуден мечтал о повышении, но как-то раз был втянут в «мелкую электронную перебранку» с начальником, с мнением которого не согласился. Несколько месяцев спустя Сноуден заполнял ежегодный бланк самооценки ЦРУ. Он обнаружил сбои в сетевом приложении для персонала и указал на них своему непосредственному боссу. Тот сначала посоветовал не обращать на это внимания, но в конечном счете разрешил Сноудену проверить восприимчивость системы к несанкционированному доступу.

Сноуден «непреднамеренно» внес кое-какие изменения

в программу, доказав тем самым свою правоту. Непосредственный начальник, впрочем, утвердил его действия. Но затем менеджер более высокого ранга, с которым Сноуден ранее поспорил, увидел, что тот сделал, и разозлился. В деле Сноудена он оставил нелицеприятное замечание.

Этот относительно мелкий эпизод важен для нас по следующей причине: Сноуден, возможно, осознал тогда всю тщетность вынесения обиды на внутренние каналы. Видимо, он заключил, что жалоба вышестоящему начальству может привести разве что к наказанию. Теперь его ждали новые горизонты.

В феврале 2009 года Сноуден уволился из ЦРУ. Его персональное дело, независимо от того, что в нем содержалось, так и не попало к следующему работодателю – Агентству национальной безопасности. Теперь Сноудену предстояло работать по контракту в подразделении АНБ на американской военной базе в Японии.

После террористических атак 11 сентября 2001 года появилось больше возможностей для работы по контрактам, поскольку государство для решения задач безопасности прибегло к услугам частных компаний. Высокопоставленные должностные лица, такие как бывший директор АНБ Майкл Хейден, легко лавировали между правительством и частными корпорациями. Это была система «вращающихся дверей» – притом очень выгодная. Сноуден теперь значился в списке сотрудников компьютерной фирмы Dell. Ранние про-

белы в его краткой биографии были на данном этапе в значительной степени неуместными. У него были допуск к сверхсекретной информации и выдающиеся компьютерные навыки. Какие бы дурные предчувствия ни испытывали его бывшие коллеги в ЦРУ, они затерялись в системе.

Сноуден с юношеских лет испытывал особую страсть к Японии. Он полтора года изучал японский язык; он первым стал употреблять в своих чатах на сайте Ars фразу *Arigatou gozaimasu* («Спасибо») и многие другие фразы. Сноуден иногда транслитерировал свое имя по-японски. В 2001 году он писал: «Всегда мечтал о том, чтобы как-нибудь добратсья до Японии. Хотелось бы заполучить там непыльную работенку в госсекторе». Он увлеченно играл в «Теккен»; обыватель-воин, отважно сражающийся со злом, способствовал формированию его нравственного облика, напишет он позже. В период с 2002 по 2004 год он работал веб-мастером по обслуживанию японского аниме-сайта⁸ *Ryuhana Press*.

Сноудену очень хотелось улучшить свои языковые и технические навыки. В 2009 году он записался в летнюю школу на территории студенческого городка при колледже Университета Мэриленда в Токио.

Однако во время пребывания в Японии онлайн-активность Сноудена несколько иссякла. Он почти прекращает писать комментарии на *Ars Technica*. В Японии для него

⁸ Аниме – японская анимация, ее сюжеты обычно заимствуются из популярных в Японии комиксов *manga*.

наступает поворотный момент. В этот период Сноуден превращается из разочаровавшегося технического специалиста в потенциального разоблачителя. По мере того как он все чаще сталкивается с большим количеством сверхсекретных материалов, что свидетельствует о расширении масштабов шпионской деятельности АНБ, его антипатия к администрации Барака Обамы растет. «Я наблюдал, как Обама насаждает ту политику, которую, как я думал, он будет, наоборот, сдерживать», – говорит Сноуден и комментирует свой японский период фразой: «Я еще более ожесточился».

По словам Сноудена, с 2009 по 2012 год он узнал истинные масштабы всепоглощающей слежки со стороны АНБ: «Они полны решимости добиться того, чтобы любой разговор и любой поступок в мире стали им известны». Он также понял еще одну неприятную истину: надзорные механизмы конгресса, встроенные в американскую систему и предназначенные для контроля Агентства национальной безопасности, абсолютно не работают. «Вы не дождетесь, когда кто-нибудь начнет действовать. Я давно искал лидеров, но понял, что лидерство заключается в том, чтобы начать действовать первым».

К тому времени, когда в 2012 году покинул Японию, Сноуден уже вполне созрел для разоблачений.

Глава 2

Гражданское неповиновение Региональный криптологический центр АНБ, Куниа, Гавайи

Власть правительства, даже такого, которому я готов повиноваться – ибо охотно подчинюсь тем, кто знает больше и поступает лучше меня, а во многом даже тем, кто меня не лучше, – чтобы быть вполне справедливой, должна получить санкцию и согласие управляемых.

Генри Дэвид Торо. О гражданском неповиновении

В марте 2012 года Сноуден уехал из Японии и перебрался на Гавайи. Примерно в это время он, по-видимому, сделал пожертвования своему либертарианскому политическому кумиру Рону Полу. Некто Эдвард Сноуден внес 250 долларов в фонд предвыборной кампании Пола. Деньги поступили из округа Колумбия, штат Мэриленд. В соответствующей выписке отмечено, что жертвователем является служащим компании Dell. В мае Сноуден пожертвовал еще 250 долларов, на сей раз из своего нового дома в Вайпаху на Гавайях. Он выступал в качестве «старшего консультанта» у неустановленного работодателя.

Теперь Сноуден работал в региональном криптологиче-

ском центре АНБ (Центральная служба безопасности) на главном острове Оаху, неподалеку от Гонолулу. Он все еще работал по контракту на Dell. Это один из 13 узловых центров связи АНБ за пределами Форт-Мида, занимающийся радиоэлектронной разведкой (SIGINT), и, в частности, шпионажем за китайцами. На логотипе АНБ/ЦСБ Гавайи изображены две зеленые пальмы по обе стороны островного архипелага. Основной цвет – темно-синий морской. Сверху надпись: «АНБ/ЦСБ Гавайи»; внизу – «Куниа». Это весьма привлекательное место работы.

Сноуден прибыл на этот вулканический остров в самом центре Тихого океана, задумав дерзкий план. Теперь его замысел выглядит безумным. При беспристрастном рассмотрении он почти наверняка вел за решетку, где Сноудену предстояло провести много лет либо всю оставшуюся жизнь.

План состоял в том, чтобы установить анонимный контакт с журналистами, занимающимися вопросами гражданских свобод. С настоящими журналистами, репутация и честность которых не вызывают никакого сомнения. И хотя сам процесс пока не был до конца ясен, слить им украденные сверхсекретные документы. В этих документах будут приведены доказательства незаконной деятельности АНБ. Они подтвердили бы, что агентство осуществляет программы, нарушающие американскую конституцию. Сноуден не собирался сливать государственные тайны целиком. Ему хотелось передать репортерам лишь избранные материалы, дать

возможность провести собственное журналистское расследование и выработать соответствующее мнение.

Но для того чтобы подкрепить свои заявления по поводу АНБ для скептически настроенной «четвертой власти», понадобится очень большое количество документов. Сноуден это понимал. Кроме того, это также потребует определенной хитрости. И хладнокровия. И еще исключительного везения...

Теперь Сноуден занимал должность системного администратора АНБ. Он получил доступ к массам секретных материалов. Большинство аналитиков видело таких материалов гораздо меньше. Либо не видело вообще. Но как он рассчитывал заинтересовать репортеров? Как к ним обратиться? По обычной электронной почте? Немыслимо! Организовать личную встречу тоже было трудно: любая поездка должна быть согласована с вышестоящим начальством в АНБ не менее чем за 30 дней. Кроме того, Сноуден не знал репортеров. По крайней мере, он не был знаком ни с кем лично.

Его подруга Линдси Миллс, с которой они были вместе уже восемь лет, приехала к нему на Оаху в июне. Миллс выросла в Балтиморе, окончила Колледж искусств и гуманитарных наук Мэрилендского университета. Жила со Сноуденом в Японии. К своим 28 годам она сменила несколько профессий – была балериной, учителем танцев, работала преподавателем по фитнесу, занималась пилонными танцами. Самым большим ее увлечением была фотография. Соб-

ственные фото – которые она делала регулярно и зачастую в полуобнаженном виде – Линдси выкладывала в своем блоге. Этот цикл она назвала так: «Поездка Л'с. Приключения странствующей по миру супергероини шестовой акробатики».

Сноуден и Миллс арендовали на острове бунгало с двумя ванными и тремя спальнями по адресу 94 – 1044 Элеу-стрит, в утопающем в зелени спальном пригороде Вайпаху, на территории бывшей сахарной плантации, в 15 милях к западу от Гонолулу. Это синий деревянный особняк, роскошный и довольно уютный, не имеющий вида ни на море, ни на горы. Перед домом – небольшая лужайка, где росли несколько пальм и авокадо. Позади пальм было больше, и они несколько скрывали дом со стороны улицы и холмика, на котором местные подростки украдкой курили.

Табличка на входной двери с надписью «Свобода не является бесплатной», украшенная американским звездно-полосатым флагом, намекала на убеждения нынешнего постояльца. Соседи общались с ним редко. «Пару раз я видел его на противоположной стороне улицы, он кивал мне, и на том дело заканчивалось. У меня сложилось впечатление, что это чрезвычайно замкнутый человек. Весь в себе, и окружающие его не интересуют», – рассказал живший с ним по соседству Род Уэхара. Армейский ветеран в отставке, как и многие из местных, он сразу предположил, что молодой человек с короткой стрижкой тоже военный.

Во время ежедневных поездок на работу у Сноудена было много времени для размышлений. Из своего бунгало он мог видеть на западе остатки древнего вулкана Вайанаэ. Вершины гор закрывали грозные рваные облака; они могут внезапно собраться вместе, закрыть небо и обрушиться на долину обильным дождем.

Позади него, несколько южнее, располагался Пёрл-Харбор, место внезапной атаки Японии 7 декабря 1941 года. Это, как выразился Франклин Рузвельт, был день «позора», когда хваленая разведка Америки была застигнута врасплох и США оказались втянуты во Вторую мировую войну.

В то время, в рамках расширения возможностей разведки, в центре Оаху соорудили обширную систему подземных туннелей, которые называли «Дырой». Первоначально задуманный как подземный цех для сборки боевых самолетов, он был превращен в комплекс для подготовки схем, карт и макетов японских островов для последующего вторжения на них американских войск. После войны комплекс стал военно-морским командным центром и был укреплен на случай химической, биологической и радиологической атаки противника.

В настоящее время он известен как Региональный центр управления секретными операциями по обеспечению безопасности в Куниа (*англ.* RSOC), и здесь размещается Американская системная криптологическая группа – агентство, укомплектованное специалистами из всех военных отрас-

лей, а также гражданскими лицами, которые работают по контрактам. В определенный момент этот комплекс сменил наименование и стал именоваться «Туннелем».

Бунгало Сноудена находилось отсюда на расстоянии семи миль, в ближайшем поселении. Весь путь от двери до двери занимал у него всего 13 минут. Этот путь пролегал по пустынной и довольно невзрачной сельской местности. Узкая дорога с двумя полосами то ныряет вниз, то поднимается, мелькая между высоких насыпей и зарослей сорняков, затеняющих окрестный пейзаж. Водитель на такой дороге чувствует себя немного скованным. Иногда взгляд выхватывает по бокам кусочки кукурузных плантаций и участки желтеющей травы.

У «Туннеля» было два главных объекта слежки: Китайская Народная Республика и его непредсказуемый и крайне неприятный сталинистский сосед, Северная Корея. Абсолютно всем – и не только аналитикам АНБ – было ясно, что Китай превращается в крупнейшую военно-экономическую силу. Задача АНБ на Тихом океане заключалась в том, чтобы зорко следить за китайским военно-морским флотом, его фрегатами, кораблями поддержки и эсминцами, за сухопутными соединениями Народно-освободительной армии (НОА). А также за компьютерными сетями НОА. Если бы в них удалось проникнуть, они стали бы богатейшим источником сверхсекретных данных.

На данном этапе Эдвард Сноуден был экспертом по Ки-

таю. Его объектом как раз и являлись китайские компьютерные сети. Он также преподавал курс по китайской киберконтрразведке, инструктируя высших должностных лиц министерства обороны, как защитить их данные от Пекина и его энергичных хакеров. Он был детально ознакомлен с активными операциями АНБ против китайцев, впоследствии утверждая, что у него имелся «доступ к каждому адресату».

Японцы больше не являлись противником США. Они теперь скорее входили в число нескольких преуспевающих восточноазиатских наций, которые США рассматривали в качестве ценного партнера по разведке. АНБ координировала работу в SIGINT с другими союзниками в этом регионе. Среди посетителей подземного комплекса были новый военный руководитель Агентства безопасности Южной Кореи, вновь избранный руководитель Бюро национальной безопасности Таиланда и делегации из Токио. «Туннель» также вел слежку за Таиландом и Филиппинами, поддерживая местные контртеррористические операции, как, впрочем, и в Пакистане.

По словам одного из штатных сотрудников АНБ, который давал интервью журналу Forbes, Сноуден был принципиальным и весьма компетентным специалистом в своей области, правда, характером отличался несколько эксцентричным. На территории «Туннеля» он носил толстовку с капюшоном, на которой красовалась пародия на эмблему АНБ. Вместо ключа в когтях орел имел на голове пару наушников от подслушивающего устройства. Коллеги предполагали, что толстов-

ка от Electronic Frontier Foundation была просто шуткой.

В поведении и облике этого человека наблюдались и другие намеки на инакомыслие. На своем столе Сноуден постоянно держал экземпляр Конституции США. Он всегда ссылался на нее, когда оспаривал те действия АНБ, которые, по его мнению, нарушали основной закон страны. Он бродил по коридорам с неразлучным кубиком Рубика. Он не забывал о своих коллегах, иногда оставляя у них на столах маленькие подарки. Однажды он едва не лишился работы, вступившись за сотрудника, подвергнутого дисциплинарному взысканию.

Комплекс RSOC, где работал Сноуден, является одним из нескольких военных сооружений в этом районе. Примеров демонстрации мощи США здесь в избытке. На склоне холма маячит силуэт гигантской спутниковой антенны. Небо бороздят вертолеты «Боинг СН-47 «Чинук». Туда-сюда снуют окрашенные в камуфляж грузовики. Многочисленными внедорожниками, спорткарами и мотоциклами управляют молодые мужчины и женщины в однотипных униформах. Ездят они очень быстро. Наклейка на бампере одного из внедорожников гласит: «Залезай. Садись. Заткнись. И держись».

Комплекс RSOC почти незаметен с дороги, поскольку скрыт от обзора зарослями кизила и металлическим забором высотой 10 футов с колючей проволокой поверху. Есть только один маленький значок – «Государственная собственность. Посторонним вход воспрещен», – который указывает на то, что это официальное учреждение. Стоит свернуть с

дороги, и вы съезжаете с холма к посту с двумя вооруженными часовыми в синей камуфляжной форме. За турникетом расположена парковка, на которой не меньше сотни автомобилей. Здесь же установлены плакаты, предостерегающие от вождения в нетрезвом виде. «Прошло 6 дней со времени последнего несчастного случая», – написано на одном из них.

Учитывая количество транспортных средств, отсутствие людей или зданий – здесь всего несколько домиков – несколько озадачивает, пока вы не начинаете понимать, что все спрятано под землей. Сотрудники входят в длинное, забавного вида прямоугольное строение с оранжевой крышей, примыкающее к крутому склону коричневой земли. Уклон настолько сильный, что кажется, будто строение вот-вот скатится оттуда. Ступеньки ведут к темному входу. «Двери внутри просто огромные. Это чем-то напоминает фильм про Кинг-Конга. Кажется, что для того, чтобы добраться туда, нужна уйма времени», – рассказывал работавший здесь бывший офицер ВВС.

Вынос секретных материалов отсюда было бы крайне рискованным предприятием. И потребовал бы крепких нервов от того, кто на это мог отважиться...

В блоге, который ведет подруга Сноудена Линдси Миллс, сам Сноуден появляется в странном обличье. Она называет его Э. Он в основном присутствует где-то в кулуарах – как верный друг, конечно, но такой, который склонен к таинственным и непредсказуемым исчезновениям. Как и в Швей-

царии, на Гавайях Сноуден – это человек, который носит маску.

Лишь в нескольких случаях Э позирует вместе с Миллс на ее еженедельных портретах, отправляемых на Instagram. Его лица вы не увидите. На одном из снимков Сноуден стоит на пляже, нагнувшись и закатав до колен брюки. Лицо его скрыто отворотом черного зимнего пальто. По-видимому, он смеется, хотя трудно сказать наверняка. «Мир, в котором люди перемещаются, словно вороны, – пишет Миллс в своем блоге, отмечая: – Один из редких снимков Э». Кто-то замечает, что Сноуден немного похож на Квазимодо. Миллс тут же парирует: «С Э шутки плохи!»

Миллс пишет в своем блоге: «Снимаю себя ежедневно уже несколько лет подряд. Эти фотографии – не только для ро-

дителей. Я считаю, что это помогает мне выражать эмоции и контролировать свою жизнь. Вряд ли это кого-то интересует, но когда-нибудь я смогу поблагодарить

себя за эти снимки. Или возненавидеть – в любом слу-

чае я что-то почувствую».

Портреты – это что-то вроде дневника художника – выполнены в ярких цветах, для них Миллс специально наряжается, чтобы зафиксировать определенное настроение или эмоцию. На одних она кокетничает. На других – размышля-

ет, висит на деревьях или наблюдает гавайский закат.

На протяжении 13 месяцев своего пребывания на Гавайях Сноуден сохранял дистанцию с коллегами. По натуре он был замкнут, и у него имелись для этого особые причины. Он знал, что если у него все получится, то его разоблачение станет самым крупным со времен Документов Пентагона⁹ и затмит собой раскрытие секретных документов и передачу их WikiLeaks в 2010 году рядовым американской армии Челси (ранее Брэдли) Мэннингом. Это приподняло бы завесу над массовой слежкой – не только за миллионами американцев, но и за всем миром. Но все это пока было под большим вопросом. Любая его оплошность, любое брошенное неосторожно слово, необычная заявка, неисправная флешка могут

⁹ Документы Пентагона – сверхсекретное исследование предистории участия США в войне во Вьетнаме общим объемом около семи тысяч страниц, проведенное по указанию министра обороны Р. Макнамары по поручению президента Л. Джонсона. В 1971 году бывший высокопоставленный сотрудник министерства обороны Д. Элсберг передал 47 томов этих документов в распоряжение газет New York Times и Washington Post. Администрация Никсона попыталась наложить предварительное ограничение на публикацию документов, но решением Верховного суда по делу «New York Times против Соединенных Штатов» (1971), на основании права народа знать правду и конституционной свободы слова и печати, правительству было предписано опубликовать эти материалы, за исключением отдельных документов и страниц, которые, по мнению суда, могли бы в случае опубликования нанести ущерб национальной безопасности. В изложении этого документа, появившемся в газете New York Times 13 июня 1971 года под заголовком «Вьетнамский архив», участие США в войне во Вьетнаме рассматривалось как аморальное, а методы информирования общественности о ней как бесчестные. Элсберг был отдан под суд по обвинению в шпионаже, но затем оправдан. Суд отметил попытки его компрометации со стороны администрации.

возбудить вопросы, которые в итоге приведут к катастрофическим последствиям.

Сноуден был окружен шпионами, которые занимались выявлением скрытых кодов и схем, раскрытием секретов. Если бы они обнаружили его, то, скорее всего, Сноудена тайно судили бы, признали виновным и заключили в тюрьму на долгие десятилетия. Как анонимного выродка, который пытался, но так и не смог похитить важную информацию у своих работодателей. Неудивительно, что Сноуден вел себя крайне осторожно.

Коллеги в шутку сравнивали его с Эдвардом Калленом – вампиром из саги «Сумерки», которого играет Роберт Паттинсон. Сноуден был бледным, загадочным, серьезным, и днем его видели крайне редко. Он почти никогда не появлялся на общественных мероприятиях. «Он ни с кем не разговаривал и обычно держался где-нибудь в сторонке. Просто болтался, и все. И все привыкли зазывать его криками: «Давай, Эдвард, вперед!» Как на спортивном состязании, – вспоминал один из коллег. – На одной из вечеринок мы даже заставили его произнести целую речь. В ней было приблизительно пять слов».

Свою жизнь на Гавайях Сноуден называл «райской». Именно так и описывает ее газета Honolulu Star-Advertiser: «Пульс рая». То, что подходило для новостных заголовков – «Чиновники созерцают закат в гавани», «Тихоокеанский музей авиации чтит храбрецов», «Великолепие Буша померк-

ло на Мауи» – создавало в воображении образ тропической идиллии.

Но Сноудена здесь мало что могло развеселить. Он не занимался серфингом, не играл в гольф, даже не слонялся по пляжу. «Он был бледен, бледен, бледен, бледен, как будто никогда не выходил на солнце», – рассказывает один из его приятелей. (Барак Обама, сестра которого живет на Оаху, наоборот, не стесняется в проявлении чувств: он развлекается на пляже, занимается серфингом, любит на десерт строганный лёд с фруктовым сиропом, местный вариант рожка-мороженого с ледяной крошкой и сахарным сиропом.)

По сравнению со Сноуденом, который почти никогда не расставался со своим ноутбуком, его подруга Линдси Миллс была просто светской львицей. После прибытия на Гавайи она присоединилась к «Памела энд Поул-Кэтс» – группе, которая занималась обучением шестовой акробатике. Это был не стриптиз, а атлетические представления, которые участники клуба ежемесячно давали в молодежном баре «Меркури» в центре Гонолулу. В первую пятницу каждого месяца Миллс также принимала участие в уличных представлениях.

Несмотря на коммуникабельность, для многих своих знакомых на Гавайях Миллс оставалась загадкой. Она носила огромные солнцезащитные очки, о себе рассказывала немного. Многие даже не знали, что у нее есть парень. Создавалось впечатление, что она нигде не работает – то есть ничем не занимается, кроме фотографии и танцев, – и тем

не менее ездила на новеньком внедорожнике. Источник ее процветания был загадкой.

Памела Паркинсон, или просто Пэм, которая основала группу шестовой акробатики, познакомила Линдси с акробатической труппой в Вайкики, насчитывавшей чуть больше десятка балерин, жонглеров, канатоходцев, хула-хуперов,¹⁰ которые собирались несколько раз в неделю.

По воскресеньям они до самого заката занимались в парке, примыкающем к пляжу в Вайкики. Миллс просто расцвела в этом молодежном цветнике, хотя по сравнению с ее новыми друзьями была скорее пуританкой. «Она не смеялась над пошлыми шутками», – вспоминал один из них. Террил Леон, координатор труппы, рассказывал, что Миллс была новичком в акробатике, но имела твердое желание всему научиться. «Она отрабатывала короткие акробатические последовательности. Я кое-что подсказывал ей. Она была немного замкнута. Очень симпатичная, внимательная, бдительная, сосредоточенная и отзывчивая».

Сноуден иногда заезжал за Миллс после занятий, но редко выходил из автомобиля и почти не разговаривал с ее друзьями. «Она и сама почти не рассказывала о нем», – сказала одна из подруг. Правда, когда Сноуден куда-нибудь уез-

¹⁰ Хула-хуп – пластмассовый гимнастический обруч, выпущенный в 50-х годах XX века и мгновенно ставший популярным как у детей, так и у взрослых, особенно тех, кто надеялся с его помощью похудеть. Так назван потому, что телодвижения, за счет которых обруч раскручивается вокруг талии, напоминают ритмику гавайского танца хула.

жал и подолгу отсутствовал, Миллс сетовала на проблемы таких «дистанционных» отношений. В труппе поползли слухи о ее дружбе с «партнером по акробатике», молодым мускулистым парнем по имени Боу. Но, как сама Миллс пояснила в блоге, она хранила верность своему загадочному Э.

Э тем временем все еще ждал для себя благоприятного случая. За молчаливой и скромной маской скрывался человек, который все больше разочаровывался и злился на своих работодателей...

* * *

Эд Сноуден не был первым человеком в структуре АНБ, который разочаровался тем, что увидел, а также мрачной траекторией американской политики безопасности после событий 11 сентября 2001 года. Сноуден был знаком с делом Томаса Дрейка. Дрейк, ветеран американских военно-воздушных и военно-морских сил, занимал один из административных постов в АНБ. После атак 11 сентября он выразил озабоченность по поводу секретных контртеррористических программ агентства – в частности, проекта по сбору развединформации под названием TRAILBLAZER. Дрейк чувствовал, что этот проект нарушает четвертую поправку конституции в части необоснованных обысков и арестов.

Дрейк решил поднять эти вопросы, обратившись во все необходимые инстанции. Он пожаловался своим боссам в

АНБ. Он также дал показания главному инспектору АНБ, в Пентагоне, в надзорных комиссиях при палате представителей и сенате. На этом не успокоившись, он наконец отправился в редакцию газеты Baltimore Sun. Его довольно бесхитростный подход не сработал. В 2007 году к нему домой с обыском нагрянули агенты ФБР. Дрейку грозило 35 лет тюремного заключения. Лишь в 2011 году, после четырех беспокойных лет, власти сняли с Дрейка наиболее тяжкие обвинения. Признав себя виновным по менее значимым пунктам, он отделался условным сроком.

Для Сноудена Дрейк был своего рода вдохновителем (эти двое впоследствии встретятся). Карательные меры, которые власти предприняли в отношении Томаса Дрейка, еще больше убедили Сноудена, что нет ни малейшего смысла идти по такому же пути. Он знал и других людей, которые пострадали при подобных обстоятельствах. В их число входили сотрудник АНБ, который в шутку в одном из своих электронных сообщений написал: «Это НОА (Народно-освободительная армия Китая) или АНБ?» Сноуден сообщил Джеймсу Райзену, что в АНБ «немало инакомыслящих – по настроению некоторых это сразу чувствуется». Но то, что большинство все же подчинялось требованиям через «страх и ложные представления о патриотизме», рассматривалось как «повиновение власти».

Как внешний подрядчик, работающий по контракту на Dell, Сноуден не подпадал под те же нормы защиты разобла-

чителей, как, например, тот же Дрейк. Даже если бы он сообщил о своей озабоченности по поводу программ слежки АНБ, ничего бы не произошло, как потом он сообщил Райзену. Он считал, что его усилия «будут похоронены навсегда» и что он будет дискредитирован и уничтожен как личность. «Система не работает. О злодеяниях приходится докладывать тем, кто несет за это самую большую ответственность».

Сноуден потерял веру в сколько-нибудь существенный контроль со стороны конгресса за деятельностью разведывательного сообщества. По его ощущениям, конгресс тоже являлся составной частью этой проблемы. Он, в частности, был критически настроен по отношению к «бандитской восьмерке», группе конгрессменов, которые в курсе наиболее секретных разведывательных операций США.

К декабрю 2012 года Эдвард Сноуден твердо решил связаться с журналистами. Когда его спросили о том, когда именно он принял решение выступить с разоблачениями, Сноуден ответил: «Думаю, с каждым это происходит по-своему, но лично для меня не было какого-то одного решающего момента. Я долгое время был свидетелем унылого потока лжи со стороны высших должностных лиц. Они лгали в конгрессе – а следовательно, и всему американскому народу. Так вот, осознание того, что сам конгресс, и в частности «бандитская восьмерка», целиком и полностью поддерживал эту ложь, и заставило меня действовать. Когда такой чело-

век, как Джеймс Клэппер, директор Национальной разведки, открыто и безнаказанно лжет общественности, это говорит о полном отсутствии демократии. Согласие управляемых не является таковым, если о нем никому не сообщают!»

В марте 2013 года на слушаниях в сенатском комитете по разведке Клэппер сообщил, что американское правительство не собирает данные на миллионы американцев. Это заявление, как покажет Сноуден, было неправдой, что Клэппер сам потом и признал.

Один из документов особенно вывел Эдварда Сноудена из себя. Ему на глаза попался секретный (2009) отчет главного инспектора АНБ – того самого, которому в свое время жаловался Томас Дрейк. Сноуден как раз занимался так называемым «отсеиванием ругательств», то есть проводил своего рода «генеральную уборку» системы, удаляя из нее ненужные материалы. Когда он открыл упомянутый документ, то не смог не прочесть его.

Это был 51-страничный подробный отчет о том, как администрация Буша осуществляла свою противозаконную программу слежки и подслушивания после событий 11 сентября 2001 года. Программа под кодовым названием «ЗВЕЗДНЫЙ ВЕТЕР» (STELLAR WIND) предусматривала сбор контента и метаданных у миллионов американцев. Без всякого ордера. Кое-какие факты о скандале с прослушиванием уже всплывали несколько лет назад, но никогда – в виде такой цельной и подробной истории. Сноуден получил неопровержи-

мые доказательства нарушения закона со стороны американских высших должностных лиц. Без каких-либо для себя последствий. «Нельзя читать такие вещи и не понимать, что это значит для всех систем, которые мы имеем», – заявил он New York Times.

К началу 2013 года возмущение Сноудена нарастало. Но его план утечек, казалось, застопорился. На его пути возникло слишком много препятствий. Чтобы получить доступ к заключительной порции сверхсекретных документов, Сноудену требовались куда большие привилегии, чем на его нынешней должности в Dell. Злополучное выступление Клэппера на слушаниях в сенате произошло в марте. В том же месяце Сноуден устраивается на новую работу – в одну из крупнейших американских консалтинговых компаний Booz Allen Hamilton, которая на Гавайях выступала для АНБ внешним подрядчиком. Это дает ему доступ к новым хранилищам информации. По утверждению штатного сотрудника АНБ, который давал интервью журналу Forbes, Сноуден отклонил предложение присоединиться к Tailored Access Operations (Операции специального доступа) – группе элитных хакеров. Начинались заключительные напряженные недели его двойной жизни...

Последнее место работы Сноудена располагалось в центре Гонолулу. Это был разительный контраст по отношению к бункеру RSOC. Офис компании занимает 30-й этаж небоскреба Макай-Тауэр на Бишоп-стрит, в финансовом райо-

не города. В холле бежевая меблировка, старинные карты в рамках и телевизор с приглушенным звуком, настроенный на канал Fox News. Вместо столовой без окон, заполненной стриженными солдатами, сотрудники Booz Allen Hamilton в костюмах и гавайских рубашках прогуливаются по залитому солнцем внутреннему двору с фонтанами и выбирают себе один из множества ресторанов. В соседнем пабе, например, предлагают финики в беконе, печеный бри и соус цацики.

Председатель правления и президент компании Booz Allen Hamilton Ральф Шрейдер делал в блоге компании самодовольные заверения о безопасности: «В любых сферах деятельности наши надежные коллеги и друзья действуют сообща. Мы можем рассчитывать на них. Независимо от ситуации или стоящего перед ними вызова они всегда нас поддержат. Вот так доверяют компании Booz Allen Hamilton. Вы все можете на это рассчитывать».

Не исключено, что Сноуден выдавил из себя кривую улыбку. Он рассчитывал на то, что его новый работодатель ничего не заподозрит. Сноуден уже почти достиг роковой черты. Он знал, что кое-кто в американском правительстве будет рассматривать его действия как киберверсию Пёрл-Харбора – как внезапное нападение. Тот факт, что это произойдет «изнутри», от предполагаемого «предателя», породит целую волну возмущения. То, что сам Сноуден рассматривал бы свой поступок как акт патриотизма, направленный на защиту американских ценностей, несколько не смягчил бы ре-

акцию и месть официального Вашингтона.

Даже сама фамилия Сноуден вполне соответствовала человеку, который отважился на столь рискованное предприятие. В 1590-х годах в Великобритании католический священник Джон Сноуден сделался двойным агентом, работая на лорда Бергли, главного казначея королевы Елизаветы. Историк Стивен Олфорд описывает этого Сноудена как «хитрого, умного и самоуверенного» человека. Он должен был шпионить на континенте за католическими эмигрантами, которые общались с испанцами и затевали заговоры против Елизаветы. Сноуден использовал шифры, секретные письма и другие хитрости. Во времена Елизаветы таких людей называли *espial*, то есть «осведомителями» или «тайными агентами» (французское слово «шпионаж» вошло в употребление лишь в XVIII столетии).

Но Эдвард Сноуден, современный *espial*, не мог выступать под собственным именем, если собирался обратиться к американским репортерам, пишущим на тему национальной безопасности и пока понятия не имеющим о его существовании. Чтобы вступить с ними в контакт, ему нужен был псевдоним. Учитывая серьезность и важность всего того, что он затеял, псевдоним TheTrueHOONA представлялся довольно бессодержательным. Сноуден придумал кое-что новенькое. Он выбрал себе прозвище *Verax*, прилагательное из классической латыни, которое означает «говорящий правду». Слово *vera*х довольно редкое. Оно неожиданно появ-

ляется в трудах Тита Макция Плавта, Цицерона и Горация Квинтия Флакка и используется в применении к оракулам и сверхъестественным силам.

Сноуден как раз и намеревался стать эдаким пророческим голосом, вещающим из самых глубин разведывательного сообщества. Как и в случае с его настоящей фамилией, с этим прозвищем тоже связана целая история. Два малоизвестных британских диссентера тоже называли себя *Verax*. Один из них, Генри Данкли, жил в XIX столетии. Это был социальный критик баптистского толка, который использовал упомянутый псевдоним в своих статьях, публикуемых в *Manchester Examiner*. Второй, Клемент Уолкер, был в XVII веке парламентарием от графства Сомерсет. Во время гражданской войны был приговорен к тюремному заключению и умер в лондонском Тауэре. Интересно отметить, что антонимом *verax* является латинское слово *mendax*. *Mendax* означает «вводящий в заблуждение», его использовал Джулиан Ассанж из WikiLeaks еще в бытность свою молодым австралийским хакером. Массовые публикации на WikiLeaks утечек американских военных документов по Афганистану и дипломатических телеграмм Государственного департамента не так давно привели в ярость Пентагон и консервативные круги США. Возможно, намек Сноудена был преднамеренным.

Для стороннего наблюдателя его жизнь никак не изменилась. Записи в блоге его подруги – с оглядкой на прошлое –

кажутся едкими и трогательными. 1 марта Миллс пишет, что станет «международной женщиной тайны» и что ее вечернее выступление в этот день пронизано темой агента 007.

Выступление проходит успешно. Три дня спустя она пишет: «Когда я была ребенком, большинство моих друзей и подруг играли, наряжались и мечтали стать принцессами, суперменами или владельцами ранчо (у меня есть довольно чудные друзья). Я же воображала себя шпионкой. Мне хотелось носиться по подземным туннелям коллектора, спасаясь от коварных врагов, подслушивать разговоры взрослых и все докладывать Генералу Мяу (своей кошке). Поэтому возможность сыграть Бонда и его малышку – пусть и совсем недолго, всего несколько минут, – во время предстоящего выступления в пятницу очень меня воодушевила. Шпионская тема, должно быть, подсознательно настолько засела у меня в голове, что вечером следующего дня Э и я в качестве очередного фильма для совместного просмотра одновременно выбрали Skyfall».¹¹

«007. Координаты: „Скайфолл“» (*англ.* Skyfall) – двадцать третий фильм из серии фильмов про английского агента

¹¹ Премьера фильма (в Великобритании, Европе и СНГ) состоялась 26 октября 2012 года и была приурочена к 50-летию киновселенной. Фильм первым во франшизе о Джеймсе Бонде вышел в формате IMAX. Фильм получил преимущественно хорошие отзывы критиков и продолжил общую тематику нового Бонда, созданную после перезагрузки франшизы в 2006 году. Картина, превысив отметку в 1 млрд долларов, побила рекорд кассовых сборов среди всех фильмов о Джеймсе Бонде и обосновалась на восьмой строчке «самых кассовых фильмов в истории кинематографа». Картина вышла на DVD и BD 18 февраля 2013 года.

Джеймса Бонда, героя романов Яна Флеминга. Название фильм получил в честь родового поместья Бонда. Роль самого Бонда в третий раз исполнил Дэниел Крейг.

Одиннадцать дней спустя, 15 марта, в ее блоге появляются новости: «Нас уведомили о том, что к 1 мая нужно освободить жилище. Э меняет работу. А я рассчитываю предпринять небольшое путешествие обратно на Восток. Поеду ли я вместе с Э или одна? В Антарктиду?.. Раскручу-ка я свой волшебный шарик и посмотрю, где мне суждено приземлиться».

Вечером 30 марта Сноуден вылетает на материковую часть США. В последующие пару недель он посещает учебные семинары в офисе Booz Allen Hamilton неподалеку от Форт-Мида; по соседству с SIGINT-СИТИ расположены офисы различных компаний-подрядчиков. Новая зарплата Сноудена составляет 122 тысячи долларов в год плюс пособие на жилье. 4 апреля он обедает со своим отцом. Лон Сноуден рассказывает, что его сын показался ему тогда чересчур озабоченным. Что-то не давало ему покоя. «Как обычно, мы обнялись. Он сказал: «Я люблю тебя, папа». А я в ответ: «Я люблю тебя, Эд».

В середине апреля Миллс и Сноуден получают ключи от своего нового дома на Гавайях. От прежнего его отделяют всего две улицы. Миллс пишет: «Больше всего в переездах я люблю время перед распаковкой вещей, когда можно побродить по светлым и пока пустующим комнатам (наверное,

в прежней жизни я была кошкой). Некоторое время мы делились своими представлениями о том, как будет выглядеть та или иная комната, когда мы затащим и расставим там все вещи. Мы даже обсуждали шелковые занавески в двухэтажном зале».

Сноуден в последний раз появляется в ее фотоблоге. Парочка позирует на голом полу в одной из комнат. Миллс в изумительном синем платье лежит на спине и улыбается; мысли Сноудена, как всегда, уловить трудно, поскольку камера фиксирует лишь его затылок. Его очки лежат неподалеку. Что сейчас у него в голове?

Во второй половине апреля Миллс едет домой, на Восточное побережье США. Вместе с матерью она обходит антикварные магазинчики, помогает той украсить дом и встречается со старыми друзьями. В начале мая она возвращается в Гонолулу. Пишет в блоге о том, что ее будто разрывает между двумя различными мирами. Сноуден тем временем устраивается на своей новой работе в Booz Allen.

Или, может быть, так кажется лишь на первый взгляд. На самом деле Сноуден, по-видимому, сливает данные с серверов АНБ. «Благодаря работе в Booz Allen Hamilton я получил доступ к перечням машин во всем мире [которые] были взломаны АНБ», – рассказал Сноуден в интервью Washington Post, добавив, что именно из-за этого он и принял предложение о переводе на новое место.

Несколько месяцев спустя в АНБ все еще пытались разо-

браться, что же именно произошло; Сноуден подробно не объяснил, как он все это проделал. Но, будучи системным администратором, Эдвард Сноуден имел доступ во внутреннюю сеть ведомства – NSAnet. Она была установлена после событий 11 сентября 2001 года с целью улучшить взаимосвязь между различными частями разведывательного сообщества США.

Сноуден был одним из приблизительно тысячи системных администраторов АНБ, имевших доступ ко многим частям этой системы (другие пользователи со сверхсекретным допуском не имели возможности видеть все засекреченные файлы). Он мог открыть любой файл, не оставив за собой электронных «следов». По словам одного источника в разведке, он был «призрачным пользователем», который мог часто посещать «священные» места агентства. Возможно, он также использовал свой статус администратора, чтобы убедить других предоставить ему свои логины и прочие детали для входа в систему. Британский GCHQ доверчиво делится с АНБ сверхсекретными материалами, а АНБ, в свою очередь, фактически делает их доступными для целой армии внешних подрядчиков. То есть через параллельный интранет GCHQ (GCWiki) у Сноудена был доступ и к британским тайнам...

Хотя точно неизвестно, как именно Эдвард Сноуден собирал материал, по-видимому, он записывал документы АНБ на флеш-накопители. Такой же метод использовал и Мэн-

нинг, работавший в окрестностях Багдада и направивший на WikiLeaks четверть миллиона американских дипломатических телеграмм, которые записал на CD с надписью «Леди Гага».

Вообще, использование флешек большинству сотрудников запрещено. Но «системный администратор» мог заявить, что он восстанавливал разрушенный профиль пользователя и поэтому ему необходимо осуществить резервное копирование данных. Затем флешку можно было просто унести, чтобы восполнить «зазор» между системой АНБ и обычным Интернетом.

Почему же никто не поднял тревогу? Неужели в АНБ проспали? Находясь на Гавайях, Сноуден смог через так называемый клиент-терминал получить дистанционный доступ к серверам АНБ, расположенным в Форт-Миде, на расстоянии от него приблизительно пять тысяч миль. Когда Сноуден подключался к системе, находясь отсюда за шесть часовых поясов, большинство местных сотрудников уже спали. Его деятельность начиналась тогда, когда АНБ погружалось в дрему. Кроме того, Сноуден был чрезвычайно квалифицированным специалистом своего дела. По словам Андерсон, его женевской приятельницы, он был «гением информационных технологий», а значит, мог незаметно проникнуть в обширную внутреннюю систему ведомства.

Проработав четыре недели на новом месте, Сноуден жалуется своему начальству в Booz Allen на плохое самочув-

ствие. Он хочет отдохнуть и согласен на неоплаченный отпуск. Когда его спрашивают, в чем дело, он говорит, что у него эпилепсия. От этого же страдает и его мать, Венди, которая использует собаку-поводыря.

Затем 20 мая Эдвард Сноуден исчезает.

В блоге Линдси Миллс частично отражены боль и переживания, которые девушка испытывает, когда понимает, что Э ушел из ее жизни. 2 июня становится ясно, что с ним что-то не так.

Она пишет: «В то время как я терпеливо молила Всевышнего о более активном для себя расписании (жизни), не уверена, что мне хотелось выбросить на свалку свои впечатления за последние полгода, которые зафиксированы в моем ноутбуке. Мы беседуем о библейских делах – о потопах, об обмане, о потерях... Я чувствую себя одинокой, потерянной, ошеломленной и отчаянно нуждаюсь в передышке от своей биполярной жизни».

Через пять дней Миллс удаляет свой блог. Она также спрашивает себя, не стоит ли удалить и свой аккаунт из Twitter. Обилие творческих материалов, накопившихся за несколько лет, в том числе множество собственных фотографий и несколько снимков Э...

«Удалять или не удалять?» – пишет она в Twitter. И решает все-таки оставить...

Глава 3

Источник

Рио-де-Жанейро, Бразилия

Декабрь 2012 года

*Тот, кто хочет жить по-человечески, должен
быть нонконформистом.*

*Ральф Уолдо Эмерсон. Доверие к себе. Нравственная
философия. Часть I. Опыты*

С вершины горы Пан-де-Асукар, название которой переводится как Сахарная Голова, открываются потрясающие виды на залив Гуанабара и острова в океане, мост Нитерой, широкую полосу изумительных пляжей Рио и на знаменитую статую Христа на горе Корковаду. Внизу – далеко внизу – виден деловой центр города, где мерцают силуэты небоскребов. А вдали, наверху, видна огромная статуя Христа Искупителя с распростертыми руками.

По обе стороны выгнутого, когтеобразного побережья лежат знаменитые пляжи Рио – Копакабана и Ипанема. За пляжем Копакабана длительное время сохранялась дурная слава. Да, здесь, рядом с желто-синими бразильскими флагами можно встретить непристойные скульптуры из песка, изображающие обнаженных женщин с большими ягодицами. Но

в наши дни Копакабана – это скорее место для пожилых богачей. Мало кто еще может позволить себе жить в роскошных квартирах, окна и лоджии которых выходят на это дивное атлантическое побережье.

Утром, по будням, здесь появляются местные жители, которые не спеша бродят вдоль пляжей или выгуливают своих избалованных собачек. По велосипедным дорожкам снуют скейтбордисты. Здесь полно фреш-баров, ресторанов, уличных кафе. На берегу загорелые местные жители играют в футбол – страстное увлечение и главное национальное достояние Бразилии – или волейбол. Большая часть жизни для многих проходит именно здесь, в благоухающей тени каучуковых деревьев и кокосовых пальм. Но девушка на пляже Ипанема – зрелище редкое. Вероятнее всего, вы встретите ее бабулю...

Из юго-западного роскошного района Гавеа мы попадаем в Флореста-да-Тижукa, самый большой городской лес в мире, где обитает множество обезьян-капуцинов и туканов. Здесь обычно на несколько градусов прохладнее, чем на пляжах у самого моря. Продолжая свой путь, вы доберетесь до отдельно стоящего горного дома. Табличка на металлических воротах предупреждает: «Cuidado Com O Сао!» («Осторожно, собака!») Предупреждение является излишним: из-за ворот и так слышны лай и вой. Собаки – маленькие, большие, черные, серовато-коричневые – приветствуют посетителей, весело прыгая и вставая на задние лапы.

Экскрементами загажен весь двор. Рядом журчат горные ручьи. Если и существует рай для дворняжек, то, скорее всего, он именно здесь.

Один из несобачьих обитателей этого дома – Гленн Гринвальд. Этот 46-летний американец – один из видных политических обозревателей своего поколения. Гринвальд десять лет проработал в системе федеральных и штатных судов. Сын еврейских родителей, гей, грубоватый и радикальный сторонник гражданских свобод, Гринвальд по-настоящему обрел голос в эпоху Буша. В 2005 году он оставил свою практику, решив целиком сосредоточиться на литературном творчестве и журналистике. Его блог в Интернете привлек множество читателей. С 2007 года он ведет постоянную рубрику на Salon.com.

Из своего дома в Рио Гринвальд часто выступает в качестве эксперта на американском сетевом телевидении. Для этого ему нужно съехать с горы вниз на своем красном KIA (который пахнет псиной) и зайти в студию на городском ипподроме. Сотрудники службы безопасности тепло приветствуют его. Гринвальд хорошо владеет португальским. В студии есть камера, стул и стол. Камера снимает сидящего за столом журналиста в безупречном костюме адвоката: чистая рубашка, прекрасный дорогой пиджак, галстук. А под столом – но этого уже не видят зрители в Нью-Йорке или Сиэтле – на Гринвальде пляжные шорты и сандалии.

Этот гибридный прикид говорит о широкой двойствен-

ности, о разделении сугубо личного и профессионального. В частной жизни Гринвальд человек мягкий и добрый. Он большой любитель животных; он и его партнер Дэвид Миранда уже подобрали с десятков бездомных собак. Они также берут на время животных у других людей и еще держат кошку. Гринвальд и Миранда познакомились в 2005 году, когда журналист приехал в Рио в двухмесячный отпуск. На второй день своего пребывания в городе Гринвальд отправился на пляж, где его и увидел Дэвид Миранда. У них быстро наладились теплые отношения. По словам Гринвальда, он живет в родном городе Миранды потому, что американское федеральное законодательство отказалось признать однополые браки (сейчас, правда, признает). Миранда работает с ним в качестве журналиста-ассистента. При встрече Гринвальд производит впечатление мягкого, легкого в общении, разговорчивого и доброго человека.

Однако в профессиональном плане Гринвальд совершенно другой: непримиримый, безжалостный, едкий и готовый в любой момент постоять за себя. Он неутомимый противник официального американского лицемерия. Гринвальд подвергает язвительной критике деятельность администраций Джорджа У. Буша и Обамы. Гражданские права, атаки беспилотников, военные действия за рубежом, разрушительные схватки США с мусульманским миром, мировая «пыточная» в тюрьме на военной базе в Гуантанамо – ничто не укрылось от зоркого глаза и избалованного пера

Гринвальда. Он столь же ревностно бичует пороки власть имущих, как и знаменитый Джонатан Свифт. В своих длинных комментариях Гринвальд вел хронику злоупотреблений и преступлений американского правительства по всему миру. Откровенная и честная позиция Гринвальда по поводу неприкосновенности частной жизни снискала ему славу едва ли не самого известного критика программ государственной слежки в Америке.

Поклонники считают его радикальным героем в революционных традициях Томаса Пейна, отважного журналиста-памфлетиста. Противники расценивают его как раздражителя, даже предателя. Две его книги посвящены порокам и злоупотреблениям во внешней политике в эпоху Буша. Третья книга, *With Liberty and Justice for Some* («Со свободой и справедливостью для избранных») (2011) поднимает вопрос о двойных стандартах в американской системе уголовного судопроизводства. Гринвальд убедительно заявляет, что одни правила действуют для бесправных и совсем иные — для высокопоставленных нарушителей закона, которые неизменно избегают каких-либо неприятностей и ответственности. Книга затрагивает тему важную как для Гринвальда, так и для Сноудена: это скандал по поводу незаконного подслушивания с санкции администрации Белого дома, когда никто так и не понес никакого наказания.

В августе 2012 года Гринвальд прекратил сотрудничество с *Salon.com* и стал внештатным обозревателем бри-

танской газеты Guardian. И не прогадал. Редактор газеты, Алан Расбриджер, рассматривает Guardian как редакционное пространство отличное от большинства американских газет. Здесь куда меньше того почтения и подобострастия к власти предрержащей, которые – справедливо или незаслуженно – в значительной мере формируют лицо американской журналистики. Guardian шире, чем большинство медиатаблоидов, использует новые цифровые технологии, которые радикально изменили старый порядок.

Расбриджер пишет: «Думаю, мы всегда были более восприимчивыми к доводу о том, что газеты могут лучше описывать происходящее в мире, привлекая для этого множество голосов. Причем совершенно не обязательно, чтобы все эти голоса принадлежали традиционным журналистам, которые теперь публикуются на самых различных платформах и отличаются большим разнообразием стилей. Именно так в Guardian появился Гленн Гринвальд».

Таким образом, Гринвальд как бы олицетворяет собой дебаты по вопросу о том, что значит быть журналистом в XXI столетии, в новом беспокойном мире цифрового самоиздания, в котором полно блогеров, непрофессиональных репортеров и социальных сетей. Некоторые называли эту цифровую экосистему за рамками традиционной печати «пятой властью», дабы как-то отделить ее от «четвертой». В Голливуде даже использовали это название в фильме о WikiLeaks.

Однако при этом Расбриджер добавляет: «Гринвальду не

очень нравится, когда его причисляют к «пятой власти» – в значительной степени потому, что политики, юристы и люди, занятые в журналистике, постоянно пытаются ограничить защиту (например, в отношении различных источников или секретов) людей, которых они считают (но с трудом могут определить) добросовестными журналистами. Но он как-то ухитряется находиться сразу в двух лагерях, в старом и новом».

Гринвальд наверняка верит в партизанский подход к журналистике – но только такой, который основан на фактах, на свидетельствах и на данных, поддающихся проверке. Детали он использует для эффективного противодействия своим оппонентам, добываясь опровержений даже от таких «храмов» американской достоверности, как Washington Post и New York Times.

В беседе с Биллом Келлером, бывшим редактором New York Times, Гринвальд признает, что «представители медиаистеблишмента» сделали за последние десятилетия ряд «превосходных репортажей». Но он утверждает, что модель, принятая в американской журналистике, – когда репортер откладывает в сторону свое субъективное мнение в интересах более высокой истины – привела к «отвратительной журналистике» и некоторым заразным привычкам. Среди них чрезмерное – на грани подхалимства – почтение, выражаемое американскому правительству, и ошибочное приравнение – в интересах пресловутого «равновесия» – истинных

и ложных представлений.

Идею о том, что у журналистов не может быть никакого мнения, Гринвальд называет «мифической». Особое презрение он испытывает к одному конкретному классу журналистов — к тем, которые, по его мнению, являются марионетками Белого дома. Он не стесняется в выражениях и называет их подонками. Вместо того чтобы критиковать и изобличать власть предрешающую, утверждает он, пресс-корпус округа Колумбия зачастую выполняют роль их услужливых придворных.

Между тем Келлер и другие вдумчивые газетные редакторы проводят собственный критический анализ «пропагандистской журналистики». Келлер говорит: «Суть в том, что, как только вы публично объявили о своих субъективных предположениях и политических ценностях, человеческой натуре свойственно желание их отстаивать, а в этом случае волей-неволей приходится минимизировать факты или выбирать соответствующие доводы, причем делать все так, чтобы поддержать заявленную точку зрения».

В последующие месяцы к субъективным взглядам Гленна Гринвальда будет приковано такое пристальное внимание общественности, которого он даже не мог предположить...

* * *

В декабре 2012 года один из читателей Гринвальда при-

слал ему электронное сообщение. Оно ничем не выделялось среди других; множество подобных сообщений Гринвальд получает ежедневно. Отправитель никак себя не назвал. Он (или, возможно, это была она) написал следующее: «У меня есть материал, который может вас заинтересовать».

«Его сообщение выглядело довольно туманным», – вспоминает Гринвальд.

Таинственный корреспондент обратился с необычной просьбой: он попросил Гринвальда установить на ноутбуке программу шифрования PGP.¹² После установки этой программы две стороны могут обмениваться в режиме онлайн зашифрованными сообщениями. При правильном использовании PGP гарантирует корреспондентам достаточную приватность (аббревиатура PGP (Pretty Good Privacy) означает «Вполне хорошая приватность»); она предотвращает вмешательство и перехват отправляемых сообщений третьими лицами. Источник не объяснил, для чего необходима такая мера предосторожности.

Впрочем, у Гринвальда не было возражений – он уже давно подумывал о том, чтобы установить себе инструмент, широко используемый репортерами, ведущими журналистские расследования, WikiLeaks и другими лицами и организациями, желающими отгородить себя от правительственной слежки. Но было две проблемы. «В техническом плане я че-

¹² PGP (Pretty Good Privacy) – общедоступная программа шифрования, использующая схему с открытыми ключами. Автор – Филипп Циммерман.

ловек неграмотный», – признается Гринвальд. Кроме того, у него возникло подозрение, что у человека, который настаивал на шифровании информации, может оказаться не все в порядке с головой...

Несколько дней спустя его корреспондент вновь прислал ему электронное сообщение.

Он спросил: «Вы сделали это?»

Гринвальд ответил, что пока нет. Журналист попросил дать ему больше времени. Так прошло несколько дней.

Потом снова пришло сообщение. В нем тот же вопрос: «Вы сделали это?»

Неизвестный корреспондент, видимо раздраженный беспомощностью Гринвальда, теперь изменил стратегию. Он составил краткое видеоруководство, которое выложил на YouTube. В нем шаг за шагом показывалось, как правильно загрузить и установить на компьютере программу шифрования – в стиле самообучалки для «чайников». У этого видео было кое-что общее с «Академией Хана»: его автор оставался анонимным, присутствуя где-то за кадром. Видео содержало ряд простых команд. «Я видел экран компьютера и графические символы. Рук я не видел. Этот парень вел себя очень уж осторожно», – рассказывает Гринвальд.

Несколько закопавшись в работе, Гринвальд через несколько дней попросту забыл об этом. «Я хотел сделать это. Я часто сталкиваюсь с хакерами», – пишет Гринвальд. Но потом, сославшись на занятость, добавляет: «Он все-таки

не делал ничего такого, чтобы я отдал ему предпочтение».

Пять месяцев спустя, во время их встречи в Гонконге, Гринвальд понял, что его потенциальный источник тогда, в конце 2012 года, был не кто иной, как Эдвард Сноуден. Сноуден входил в число читательского сообщества Гленна Гринвальда. Ему пришлись по душе взгляды журналиста, его активность и бескомпромиссный подход к правительству. Сноуден обратился к нему напрямую, но попытка не удалась. «Сноуден сказал мне: «Не могу поверить, что у вас ничего не получилось. А по интонации звучало как «Ну и идиот!»».

Сноуден, будучи на Гавайях, находился в тысячах миль от Бразилии. Вероятность их личной встречи была крайне невелика. Поэтому очень важно было наладить онлайн-контакт. Но все-таки Гринвальд оказался слишком рассеян, чтобы выполнить простые инструкции Сноудена. Должно быть, разоблачитель очень сильно расстроился. Гринвальд говорит: «Он, наверное, думал так: «Я, видите ли, готов взвалить на себя весь тот гребаный риск, распрощаться с прежней жизнью, готов осуществить самую крупную в мире утечку секретной информации, а он [Гринвальд] даже не удосужится разобраться с этой программой шифрования».

Как следствие фиаско с установкой PGP, несколько недель пролетели впустую. У Сноудена, казалось, нет безопасного маршрута связи с Гринвальдом. Обозреватель продолжал работать, не покидая своего уединенного горного дома. Из соседних джунглей к нему во двор часто навевывались мест-

ные обезьяны. Они затевали драки с собаками, иногда забрасывая их ветками и ретируясь потом в густые бамбуковые заросли. Гринвальд постоянно находился среди животных; он говорит, что это очень хорошая отдушина от политики и бескончаемого потока тем и комментариев на Twitter.

В конце января 2013 года Сноуден снова попробовал наладить с ним контакт, но уже по-другому. Он направил электронное сообщение Лауре Пойтрас. Он надеялся наладить анонимный канал общения с этой кинодокументалисткой, которая дружила с Гринвальдом и тесно с ним сотрудничала. Пойтрас была еще одним критиком американских служб безопасности – и одной из наиболее заметных их жертв.

Почти десять лет Пойтрас работала над трилогией полнометражных фильмов об Америке после событий 11 сентября 2001 года. Первый фильм «Моя страна, моя страна» (2006) описывает многострадальный Ирак после американского вторжения через историю одного из жителей, суннитского врача, который выдвигал свою кандидатуру на выборах 2005 года. Фильм захватывающий, очень трогательный и смелый – в 2007 году он даже выдвигался на «Оскар».

Съемки следующего фильма Лауры Пойтрас, «Присяга» (2010), проходили в Йемене и в заливе Гуантанамо. В нем показаны судьбы двух йеменцев, попавших в вихрь антитеррористической войны президента Буша. Один из них, Салим Хамдан, был обвинен в том, что был водителем Усамы бен Ладена. Он был задержан и отправлен в тюрьму Гу-

антанамо. Другой, его шурин, был телохранителем бен Ладена. Проследившая их трагические судьбы, Пойтрас подвергает уничижительной критике мрачные годы правления администрации Буша – Чейни.

Реакция американских чиновников была поразительна. В течение шести лет, с 2006 по 2012 год, сотрудники министерства национальной безопасности задерживали Лауру Пойтрас всякий раз, когда та приезжала в США. По ее словам, это случилось около сорока раз. В каждом случае ее допрашивали, конфисковали ноутбуки и мобильные телефоны и требовали рассказать, с кем она встречалась. У нее забирали камеру и блокноты с записями. Иногда ее задерживали на три-четыре часа. Но ничего противозаконного найти так и не удалось.

Однажды, в 2011 году, когда ее в очередной раз задержали в международном аэропорту имени Джона Кеннеди в Нью-Йорке, она отказалась отвечать на вопросы о своей работе, ссылаясь на первую поправку конституции. Тогда пограничник сказал ей: «Если вы не ответите на наши вопросы, то мы найдем ответы в вашем электронном оборудовании».

В ответ на преследования Лаура Пойтрас переключилась на новую стратегию. Она стала настоящим экспертом в вопросах шифрования информации. Научилась защищать исходные материалы. Она поняла, почему – с учетом роста шпионских возможностей АНБ – это иногда бывает очень важно. Она больше не брала с собой в поездки электронные

устройства. Кроме того, свой следующий фильм Пойтрас решила снимать и монтировать за пределами Америки. Она временно переселилась в немецкую столицу Берлин.

В 2012 году Пойтрас работала над заключительной частью своей трилогии. Темой на этот раз была Америка и тревожный рост правительственной слежки внутри страны. Одним из интервьюируемых у нее был разоблачитель АНБ Уильям Бинни. По профессии Бинни был математиком. Он прослужил в агентстве почти сорок лет, последнее время занимал пост технического директора и участвовал в автоматизации систем зарубежного прослушивания. В 2001 году он вышел в отставку и потом выдал ряд секретов по поводу слежки внутри страны. В частности, он публично объявил об обмане со стороны руководства АНБ и сборе персональных данных жителей США.

Летом того же года Пойтрас сняла для сайта New York Times короткометражный фильм, который являлся составной частью ее незавершенного производства. В сопроводительной статье Пойтрас описала, каково это – быть «целью» АНБ.

Сноуден наблюдал, как власти обращаются с Лаурой Пойтрас. Он знал, кто она такая и через что ей пришлось пройти. Когда журналист New York Times впоследствии спросил у Сноудена, почему тот добивался встречи с Гринвальдом и Пойтрас, а не с журналистами американской газеты, Сноуден ответил: «После событий 11 сентября многие из новостных

таблоидов в Америке отказались от былой роли «неусыпного ока» для власть имущих. Они фактически сняли с себя готовность бросить вызов излишествам и злоупотреблениям со стороны правительства, опасаясь, что их уличат в отсутствии должного патриотизма и накажут в период разжигания националистических идей. В чисто деловом отношении такая стратегия представлялась вполне очевидной, но то, что было выгодно для прессы, в итоге дорого обошлось общественности. Самые крупные СМИ еще только начинают оправляться от того холодного периода».

Потом он рассказал: «Лаура и Гленн – это те немногие, кто писал на весьма спорные темы на протяжении всего этого сложного периода, даже перед лицом иссушающей личной критики. Это привело к тому, что Лаура вообще стала целью ожесточенного преследования... Она продемонстрировала недюжинную храбрость, личный опыт и навыки, чтобы справиться с самой сложной задачей, которая может стоять перед любым журналистом, – сообщить о тайных злодеяниях самого сильного правительства в мире. И тем самым сделала для себя вполне определенный выбор».

В Берлине Пойтрас долго размышляла по поводу электронного послания, которое ей направил Эдвард Сноуден: «Я высокопоставленный сотрудник разведывательного сообщества. Я не собираюсь впустую тратить ваше время...» (Подобное заявление все-таки было преувеличением. Не с точки зрения доступа Сноудена к секретным материалам, а с точ-

ки зрения его должности – он был всего лишь инфраструктурным аналитиком.) Сноуден попросил у нее шифровальный ключ. Она этот ключ дала. И предприняла другие шаги, чтобы убедить Сноудена – тогда все еще анонимного корреспондента, – что понимает важность безопасной переписки. «Я довольно быстро заинтересовалась, – говорит она. – В тот момент я думала о том, законно ли все это или меня ждет какая-то ловушка. Я разрывалась на части. И в голову лезли разные мысли».

Пойтрас написала: «Я не знаю, кто вы такой и действуете ли вы на законных основаниях. Может быть, вы просто сумасшедший или пытаетесь заманить меня в какую-то ловушку».

Сноуден ответил: «Я не собираюсь ни о чем вас расспрашивать. Я лишь хочу кое-что вам рассказать».

Пойтрас спросила, знает ли Сноуден о подробностях ее задержаний при въезде в США. Он ответил, что не знает. Но пояснил, что «выбрал» ее из-за тех преследований, которым она подвергалась. У агентств безопасности имелась возможность выследить и контролировать «любого человека», не только Лауру Пойтрас, – при пересечении государственных границ, на улицах города, сказал он. «Держу пари, что вам не нравится такая система. Только вы можете рассказать всем об этом».

Если уж на то пошло, то в этот период Пойтрас была в каком-то смысле еще большим параноиком, чем тот же Сно-

уден. Она с подозрением и нарастающей тревогой следила за тем, как власти плетут вокруг нее заговор. И не особенно это скрывают. Тем временем на Гавайях Сноуден предпринимал беспрецедентные меры предосторожности. Он никогда не посылал сообщений из дома или офиса. «Он пояснил, что с его стороны вести диалог очень трудно. Для этого он переезжал в другое место. И никогда не связывался со мной через свои обычные сети. В общем, он создал себе определенное прикрытие», – рассказывает Пойтрас.

Поток электронных писем продолжался. Сообщения приходили по одному в неделю. Обычно она получала их в выходные, когда Сноуден мог куда-то уехать. Тон посланий был обычно серьезным, хотя иногда проскальзывали и шуточные фразы. Однажды Сноуден посоветовал Пойтрас засунуть свой мобильный телефон в морозилку. «Он – удивительный автор. Его электронные послания великолепны. Все читались на одном дыхании, как триллер», – вспоминает она. Сноудену очень хотелось поддерживать регулярную переписку, но ему трудно было находить для этого безопасные места. При этом он не сообщал о себе ничего, никаких личных деталей.

А потом Сноуден выдал ей ошеломляющую новость. Это была просто бомба. Он сказал, что у него находится президентская политическая директива № 20, сверхсекретный документ объемом 18 страниц, выпущенный в октябре 2012 года. Согласно этому документу, Обама издал тайный приказ

о том, чтобы высокопоставленные чиновники службы национальной безопасности и разведки составили список потенциальных зарубежных целей для американских кибератак. Не защиты, а атак! Агентство подключается к оптоволоконным кабелям, перехватывает телефонные переговоры и вообще ведет подслушивание в глобальном масштабе, сказал он. И, по его словам, он мог это все доказать. «Я чуть в обморок не упала!» – рассказывала Лаура Пойтрас.

В этот момент кинодокументалистка начала искать для себя надежные контакты – тех, кто мог бы помочь ей подтвердить подлинность таких заявлений. В Нью-Йорке она консультировалась с Американским союзом защиты гражданских свобод (ACLU). За обедом в Вест-Виллидж, на Манхэттене, она побеседовала с обозревателем Washington Post Бартоном Геллманом. Будучи экспертом по вопросам национальной безопасности, Геллман решил, что информация неизвестного источника представляется достоверной. Но он повел себя немного уклончиво. Тем временем неизвестный корреспондент сообщил, что хотел бы также привлечь Глена Гринвальда.

Вернувшись в Германию, Пойтрас вела себя очень осторожно, поскольку имелись небезосновательные опасения, что американское посольство в Берлине ведет за ней наблюдение. Во время работы над последним фильмом своей документальной трилогии Пойтрас связывалась с Джулианом Асанжем, непримиримым врагом официального Вашингтона,

который с лета 2012 года скрывался в эквадорском посольстве в Лондоне. Учитывая то, с какими людьми поддерживала отношения, и массу других причин, она наверняка представляла интерес для американских сил безопасности и могла не сомневаться, что ее контакты с кем бы то ни было через любые традиционные средства связи будут проверяться и отслеживаться. Телефоном точно пользоваться было нельзя; электронная почта – тоже средство крайне ненадежное. Как же она могла связаться со своим другом Гринвальдом и рассказать об этом загадочном корреспонденте?

Нужно было как-то устроить личную встречу. Другого выхода попросту не было. В конце марта Лаура Пойтрас возвратилась в Штаты. Отсюда она направила Гринвальду сообщение, предлагая встретиться лично, причем без какой-либо электроники.

Гринвальд как раз собирался лететь в Нью-Йорк, чтобы выступить в Совете по американо-исламским отношениям (CAIR), мусульманской организации гражданских прав. Они встретились в вестибюле отеля «Мариотт» в Йонкерсе, где остановился Гринвальд. Это было малообещающее, просто «ужасное» место встречи, которому предстояло стать первым этапом самой крупной утечки в истории американской разведки.

Пойтрас показала Гринвальду распечатки двух электронных сообщений. Она не знала, что неизвестный корреспондент ранее уже пытался выйти непосредственно на Грин-

вальда. Можно ли было ему доверять? Или это все-таки самозванец, пытающийся завлечь ее в ловушку? Пойтрас нервничала и хотела поскорее все проверить. «В этих электронных письмах не было никаких деталей, указывающих на личность отправителя. Он себя никак не идентифицировал. Он не сообщил, где работает», – рассказал Гринвальд.

Вместо фактов в электронных посланиях содержался личный манифест радикального толка, в котором Сноуден разъяснял, почему решил передать секретные материалы и какими могут быть неизбежные последствия такого поступка. «Он объяснял, чего добивается и почему пожелал взять на себя такой риск», – говорит Гринвальд. Отправитель в принципе внушал к себе доверие: «Лаура и я инстинктивно чувствовали, что во всем этом сквозит подлинный энтузиазм. Мы оба поняли, что электронные послания заслуживают доверия. [Их тон] настраивал на то, что этот отправитель отнюдь не сумасшедший. Напротив, он умен и весьма искусен в своем деле. И его послания – это не бессвязный набор слов».

У них в голове начал потихоньку формироваться образ таинственного корреспондента – умного, проницательного, политически здравомыслящего, рационального человека, который уже давно вынашивает определенный план. Отправитель раскрывался перед ними постепенно. Журналистам приходилось дожидаться каждого нового эпизода. «Он говорил о том, что очень сильно рискует, что это связа-

но с серьезными разоблачениями, – говорит Гринвальд. – Он не производил впечатление человека легкомысленного или находящегося в плену бредовых идей».

В беседах с Пойтрас Гринвальд выработал свой собственный подход. Чтобы та или иная история могла всколыхнуть общественность, люди должны проявить к ней неподдельный интерес, доказывал Гринвальд. А интерес они проявят только в том случае, если этот анонимный источник продемонстрирует убедительные доказательства незаконной деятельности – неправильного поведения и злоупотреблений со стороны АНБ, которые выходят за рамки любых демократических мандатов. Лучший способ добиться этого заключался в том, чтобы иметь под руками документы служб национальной безопасности: без них было бы трудно стучаться в нужные двери и выносить проблемы на широкое обсуждение.

Таинственный корреспондент повел себя весьма неожиданно. Ранее Пойтрас предположила, что он всегда будет стремиться остаться анонимным. В конце концов, если только выйдет из тени, то сразу же восстановит против себя правоохранительные органы и фактически затянет петлю на собственной шее. Но Сноуден сказал ей следующее: «Я не вычищаю метаинформацию. Надеюсь, вы нарисуете на моей спине мишень и сообщите миру, что все это сделал именно я».

В другом послании Сноуден сообщил, что «трудный этап» по перемещению документов завершен, но теперь начинает-

ся опасный этап. «Я почти ощущала, насколько высоки ставки, – говорит Пойтрас. – Он очень беспокоился по поводу своих друзей и родных. Ему не хотелось остаться анонимным. Однако он не хотел, чтобы из-за него пострадали другие люди».

Сноуден, казалось, знал, что его действия, вероятнее всего, приведут его за решетку. Он предупреждал: «Вы должны правильно настроить свои ожидания. Может наступить такой момент, когда со мной нельзя будет связаться».

Как только были установлены доверительные отношения, Пойтрас сообщила Сноудену, что хотела бы взять у него интервью. Она сказала, что тот должен четко сформулировать, «почему» решил взять на себя все эти риски. Это было важно.

Об интервью Сноуден как-то не думал. Но идея была хорошей: цель состояла в том, чтобы поведать всему миру о секретных документах. Он сказал, что саму идею утечки этих материалов он вынашивал четыре года. Однажды он рассматривал возможность передачи этих материалов Джулиану Ассанжу. В конечном счете он все-таки отверг эту идею. Сайт WikiLeaks был под колпаком, а сам Джулиан Ассанж уже длительное время скрывался в иностранном посольстве. Учитывая меры безопасности, которые предпринимал Ассанж, Сноуден понимал, что достучаться до него будет трудно.

К исходу весны 2013 года идея о заключительной встрече

уже витала в воздухе.

«Чтобы подготовиться и сделать это, мне потребуется от шести до восьми недель», – написал Сноуден.

* * *

Что означало загадочное «это», было пока неясно. Лаура Пойтрас возвратилась в Берлин, Гринвальд – к себе в Рио. Его жизнь текла своим чередом. Таинственный источник, конечно, представлял большой интерес. Но, как часто бывает в журналистике, то, о чем говорил Сноуден, могло оказаться куда менее привлекательным, чем представлялось на первый взгляд. «Я не сидел без дела и не строил никаких иллюзий. Он ведь вполне мог оказаться фальшивкой», – рассказывает Гринвальд. Шли недели, и в то, что нечто значительное произойдет, верилось все меньше и меньше. «Я почти не думал об этом. Я действительно не был на этом сосредоточен. Ни капельки».

В середине апреля Гринвальд получил от Пойтрас электронное послание. В нем она сообщала, что скоро почтовый курьер доставит ему пакет. В этот период ни одна из сторон не связывалась друг с другом; кроме того, Гринвальд до сих пор не установил у себя программу шифрования данных. Но пакет FedEx свидетельствовал о том, что дела движутся и, как выразился Гринвальд, «орел все-таки сел на землю».

Ему доставили пакет; в нем были два флеш-накопителя.

Гринвальд сначала подумал, что на флешках записаны «многokrатно зашифрованные» сверхсекретные документы. На самом же деле в них содержался пакет инсталляции, с помощью которого Гринвальд мог наконец установить у себя базовую программу шифрования данных.

Сноуден снова связался с Пойтрас: «Вы должны приехать. Я встречу с Вами. Но это опасно».

Это был следующий этап их плана. Сноуден намеревался слить им один реальный документ. В документе изобличались факты сотрудничества между АНБ и гигантскими интернет-корпорациями по вопросам применения секретной программы под названием PRISM. «У многих это точно вызовет сердечный приступ», – заявил Сноуден.

Сноуден не хотел вовлекать непосредственно Лауру Пойтрас. Вместо этого он попросил ее порекомендовать ему других журналистов, которые могли бы опубликовать материал от анонимного источника. Он хотел сделать свою сеть еще шире.

Пойтрас вновь полетела в Нью-Йорк, рассчитывая на встречу с ветераном разведки. Ей казалось, что было бы вполне естественно встретиться где-нибудь на американском Восточном побережье – скажем, в Балтиморе или в одном из особняков в Мэриленде. Она попросила хотя бы полдня на съемки, а лучше даже целый день. Затем неизвестный корреспондент послал ей зашифрованный файл. В нем была презентация PRISM в программе PowerPoint. И еще второй

файл. Его краткое содержимое стало для нее полным сюрпризом: «Ваше место назначения – Гонконг».

На следующий день Пойтрас получила еще одно сообщение, в котором источник впервые представился: «Эдвард Сноуден».

Это имя ни о чем ей не говорило. Пойтрас знала, что если бы она только начала искать имя Сноудена на Google, то сразу же насторожила бы АНБ. К письму прилагалась карта и ряд инструкций по поводу будущей встречи. И еще приписка: «Вот кто я такой. Вот что теперь обо мне скажут. Вот информация, которая у меня есть».

Теперь Сноуден связался напрямую с Гринвальдом, используя их новый зашифрованный канал. «Я работал с вашим другом... Нам нужно срочно поговорить».

У разоблачителя наконец появилось то, чего он так жаждал почти шесть месяцев: прямой безопасный канал связи с вечно ускользающим от него журналистом. Очевидно, Сноуден был знаком с работой Гринвальда. Они обменялись сообщениями. Сноуден спросил: «Вы можете приехать в Гонконг?»

Этот вопрос показался Гринвальду странным и привел его в «некоторое замешательство»: что нужно человеку, который работал на американское агентство безопасности, в бывшей британской колонии, составляющей ныне часть коммунистического Китая? Да еще так далеко от Форт-Мида? «Я совершенно не понимал, какое ко всему этому отношение

имеет Гонконг», – рассказывал Гринвальд. Внутренний голос настойчиво твердил ему ничего не предпринимать, никуда не ехать. Он работал над тем, что в тот момент представлялось ему очень важным; наступал срок сдачи очередной книги. «Я тогда немного подзавяз», – говорит он.

Сноуден снова попробовал надавить на него через Лауру Пойтрас, убеждая ее заставить Гринвальда лететь в Гонконг «немедленно».

Пребывая в одиночестве в своем номере китайского отеля и опасаясь, что сюда в любую минуту может нагрянуть полиция, Сноуден не находил себе места. До настоящего момента его план улизнуть с запасом сверхсекретных материалов АНБ и GCHQ блестяще осуществлялся. Этот этап он считал трудным. Но самое, казалось бы, простое – передать материалы сочувствующим журналистам – превратилось в непреодолимую проблему.

Гринвальд связался со Сноуденом через чат. «Мне хотелось лучше понять, зачем мне нужно к вам выезжать и почему это для меня важно?»

В течение последующих двух часов Сноуден объяснял Гринвальду, как правильно загрузить к себе систему Tails – одну из наиболее надежных форм связи, которая использует сеть Tor. В конечном счете задача все-таки была выполнена.

Затем Сноуден с некоторым пафосом написал: «Я собираюсь отправить вам несколько документов».

Долгожданный «пакет» Сноудена содержал около 20 до-

кументов из внутренних «святилищ» АНБ, на большинстве которых стоял гриф «Секретно». Среди них были и слайды PRISM. Были и документы, восполнявшие кое-какие пробелы по программе слежения STELLAR WIND, главной теме журналистского расследования в последней книге Гринвальда.

Попросту говоря, в руках Гринвальда оказалось настоящее сокровище – собрание очень важных, даже бесценных данных. С первого взгляда становилось ясно, что АНБ вводило в заблуждение конгресс по поводу характера своей слежки внутри страны, а скорее всего, просто лгало. Гринвальд пишет: «Я всегда сравниваю какие-то вещи с поведением собаки. Сноуден заманивал меня к себе, словно голодного пса, и совал мне под нос «конфету». Он показал мне сверхсекретные программы из АНБ. Это было невероятно. Ведь из АНБ не бывает утечек. Это взволновало меня до крайности».

Сноуден был достаточно умен, чтобы показать, что это лишь начало и что в его распоряжении огромное количество всяких тайн. Теперь Гринвальд начал понимать. Он набрал номер Джанин Гибсон, редактора американского отделения газеты Guardian в Нью-Йорке. Сказал, что звонит по очень срочному делу. Когда Гринвальд принялся рассказывать о документах АНБ, Гибсон тут же перебила его: «Нам не следует обсуждать это по телефону», – и предложила ему приехать в Нью-Йорк.

Два дня спустя, в пятницу 31 мая, Гринвальд вылетел из международного аэропорта Рио-де-Жанейро Галеао и приземлился в нью-йоркском аэропорту имени Джона Кеннеди. Оттуда он, не теряя времени, отправился в штаб-квартиру Guardian. В кабинете у Гибсон он рассказал, что его поездка в Гонконг даст возможность Guardian узнать о таинственном корреспонденте.

Этот источник мог помочь в расшифровке слитых им же документов. Многие из них были чисто техническими – ссылались на определенные программы, методики перехвата, на методы, о существовании которых никто за пределами АНБ не знал. Большинство было написано не на обычном языке, а с использованием странного лексикона, понятного лишь посвященному. Некоторые документы представляли собой бессмысленную абракадабру, столь же непостижимую, как и древнеассирийские глиняные таблички.

«Это была очень серьезная штука. И самое поразительное, что можно только себе представить, – говорит Гринвальд. – Сноуден выбрал документы, которые взволновали меня до крайности. На всех в Guardian они тоже произвели впечатление. От некоторых просто голова шла кругом. То, что мы получили, было лишь крошечной верхушкой огромного айсберга».

К обсуждению подключился Стюарт Миллар, заместитель редактора американской Guardian. По ощущению обоих руководителей, Сноуден производил впечатление переутом-

ленного и взвинченного человека. Источник в несколько высокопарном стиле рассказывал о своей личной философии и своей катастрофической поездке «в один конец». Назад для него пути уже не было. Тон Сноудена был понятен: в конце концов, ему вскоре предстояло стать самым разыскиваемым человеком в мире.

Но редколлегия Guardian была тоже поставлена перед непростым выбором: они собирались навлечь на себя гнев АНБ, ФБР, ЦРУ, Белого дома, Государственного департамента и, вероятно, многих других секретных и неизвестных пока ведомств.

Гибсон и Миллар сошлись во мнении, что единственный способ обменяться «верительными грамотами» с источником заключается в личной встрече с ним. Гринвальду предстояло на следующий день совершить 16-часовой перелет в Гонконг. Пойтрас тоже собиралась приехать, независимо от него. Но Гибсон назначила к ним в команду третьего участника, старого вашингтонского корреспондента Guardian Ивена Макаскилла. Этот 61-летний шотландец был опытным политическим репортером. Он был спокоен, вел себя очень сдержанно и всем нравился.

Всем, кроме Пойтрас. Она была чрезвычайно расстроена. С точки зрения Лауры Пойтрас, лишний человек мог разволновать Сноудена, окончательно выбить его из колеи. Сноуден и так был уже на грани. Присутствие Макаскилла могло отдалить его и даже привести к срыву всего замыс-

ла. «Она настаивала, чтобы Макаскилл никуда не ехал, – говорит Гринвальд. – Она совершенно вышла из себя». Гринвальд попытался выступить посредником, но безуспешно. Накануне поездки Пойтрас и Гринвальд впервые поругались. Обстановка накалялась. Гринвальд думал, что Макаскилл является своего рода корпоративным представителем Guardian, что это осторожный и занудный человек. Позже он обнаружил, что шотландец был самым радикальным из всей троицы, готовый опубликовать многое из того, что вызывало общественный интерес.

В аэропорту ДФК эта несговорчивая троица села в самолет авиакомпании Cathay Pacific. Лаура Пойтрас заняла место в хвостовой части лайнера. Она путешествовала за свой счет. Гринвальд и Макаскилл, летевшие за счет Guardian, расположились на местах премиум-экономкласса. «Ненавижу экономкласс!» – заявляет Гринвальд, имея в виду, что совсем не выспался с тех пор, как 48 часов назад прибыл из Бразилии.

Когда самолет набрал скорость и взмыл в небо, возникло ощущение свободы. В воздухе нет Интернета – по крайней мере, не было в июне 2013 года. Сюда не могло проникнуть даже всевидящее око АНБ. Как только табло «Пристегнуть ремни!» погасло, Пойтрас тут же подседа к Гринвальду: место перед ним оказалось свободно. Она принесла с собой подарок, который им обоим не терпелось поскорее раскрыть: флешку. Сноуден тайно передал ей вторую порцию

секретных документов АНБ. Этот последний набор данных был намного объемнее, чем первоначальный. В нем содержалось три-четыре тысячи файлов.

На протяжении всего полета Гринвальд как прикованный сидел за своим ноутбуком. Заснуть было невозможно. Его словно загипнотизировали: «Я не мог оторваться от экрана ни на секунду. Адреналин был на пределе». Время от времени, когда другие пассажиры дремали, Пойтрас вставала со своего места и с усмешкой на губах подходила к Гринвальду. «Мы болтали и хихикали, словно школьники. Мы обнимались и чуть ли не танцевали», – рассказывает он. Их радостные восклицания разбудили соседей, но им было уже все равно.

Все началось как азартная игра. Но теперь материал превращался в сенсационную новость, которая затмит собой все остальное. То, что показал им Сноуден, все больше походило на занавес, приоткрывая который можно показать всем истинную природу вещей. Когда самолет пошел на посадку, а вдаль замелькали огни Гонконга, Гринвальд впервые ощутил в себе уверенность. У него не было больше ни капли сомнений. Сноуден не фальшивка, не подставное лицо, он оказался настоящим. Его информация была тоже настоящая. Все было по-настоящему.

Глава 4

«Дворец загадок»

Агентство национальной безопасности, Форт- Мид, штат Мэриленд 2001–2010 годы

Эти возможности в любое время могут обернуться против американского народа, и ни у одного американца не останется частной жизни, и это – возможность контролировать все что угодно: телефонные разговоры, телеграммы, не важно что. Спрятаться будет нигде...

Сенатор Фрэнк Чёрч

Истоки тотальной слежки за интернет-пользователями во всем мире можно отследить довольно точно. Фактически она началась 11 сентября, в день террористических атак, которые напугали и привели в невиданную ярость Соединенные Штаты Америки. В последующее десятилетие в Америке и в Великобритании власти предприняли новую политическую инициативу: они решили вторгнуться в частную жизнь людей. Этому способствовало и бурное развитие технологий электронной слежки и прослушивания.

Запутанная сеть Интернет потихоньку превратилась в то, что Джулиан Ассанж, пусть и с некоторым преувеличением, назвал «самой большой машиной шпионажа, которую когда-либо видел мир». Но до появления на мировой сцене Эдварда Сноудена мало кто знал правду об этом.

Агентство национальной безопасности – самая крупная и самая закрытая из американских спецслужб – так и не смогла заблаговременно предупредить о внезапной атаке Аль-Каиды, предпринятой против башен-близнецов в Нью-Йорке. В то время агентством руководил Майкл Хейден, малоизвестный генерал военно-воздушных сил.

У Джорджа Тенета, директора ЦРУ и номинального главы всех 16 спецслужб, был к Хейдену вопрос. На самом деле этот вопрос возник у вице-президента Дика Чейни, и в этом смысле Тенет был просто передаточным звеном. Вопрос был прост: мог ли Хейден добиться большего? Тенет и Чейни задавались вопросом: может ли генерал более активно применять чрезвычайные полномочия АНБ и вычищать, словно пылесосом, обширные массы электронных сообщений и телефонной информации и оборачивать все это против террористов?

За пять десятилетий, начиная со дня его основания в 1952 году, Агентство национальной безопасности накопило невероятный научно-технический опыт. Еще в 1970-х годах сенатор-реформист Фрэнк Черч предупредил, что АНБ в силах «создать в Америке тотальную тиранию».

Среди его соседей в Мэриленде множество секретных американских военных объектов, таких как Форт-Детрик, центр биологических исследований армии США, окрещенный журналистами «лабораторией смерти», и Эджвудский арсенал, главная научно-производственная база химического оружия. Но самым секретным ведомством является АНБ. Его бюджет и персонал – тоже государственная тайна.

Задача АНБ заключается в сборе разведывательной информации по всему земному шару. Это означает перехват любых электронных сигналов: в радио, СВЧ-диапазонах, перехваты сигналов со спутников. И еще интернет-связь. При этом мониторинг ведется тайно, без всякого оповещения. Пункты перехвата агентства расположены по всему миру: на американских военных базах, в посольствах и в других местах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.